HN
440
.S6
B87x
1917

AUX
STOR
1

INV. REVISE 1988

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

D55

44к

ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ и ТАКТИКИ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

БУРЖУАЗІЯ И ПРОЛЕТАРІАТЪ

въ революціяхъ 1830 и 1848 гг.

ВО ФРАНЦІИ

HN
440
.S6
B87x
1917
323.2:321. 912.2/.3 : 321. 914. 1 (44) "18"

Москва — 1917

Ústřední vojenská knihovna
Př. č. 6992 Isi
Zn. Ga 2032

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.
1917.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

I

Общественныя отношенія въ эпоху реставраціи *)

Великая французская революція нанесла смертельный ударъ всѣмъ основамъ стараго порядка. Неограниченный деспотизмъ монарха, политическое безправіе народа были уничтожены Крестьянство сбросило съ себя гнетъ феодальныхъ повинностей. Промышленность, раньше стѣсненная всевозможными законами и указами, вступила на путь свободнаго экономическаго развитія. Прежнюю религіозную нетерпимость замѣнила свобода вѣроисповѣданія. Всѣ основы соціальной и политической жизни страны были обновлены и она вступила на путь свободнаго культурнаго прогресса.

Но потребовалась еще долгая, упорная борьба, чтобы навсегда утвердить завоеванія первой великой революціи. Весь періодъ съ 1814 по 1830 г. и былъ этой послѣдней борьбой «старой» Франціи съ «новой». Въ эпоху реставраціи «старая» Франція дѣлаетъ отчаянную попытку возстановить старый порядокъ.

«Старая» Франція была страной земледѣльческой по преимуществу. Главную роль въ ней играло земледѣліе, промышленность же, несмотря на крупное развитіе внѣшней торговли (въ 1789 г. милліардъ франковъ), была развита еще сравнительно слабо. *Не классъ капиталистовъ, а классъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ былъ экономической силой тогдашняго государства.* Только въ послѣдніе годы передъ революціей буржуазія уже настолько окрѣпла, что могла вступить въ борьбу съ притязаніями и вольностями стараго дворянства Въ рукахъ крупныхъ

---

*) Реставрація — возстановленіе, возобновленіе; возстановленіе падшей династіи на прежнемъ престолѣ.

дворянъ—помѣщиковъ были сосредоточены огромныя земельныя пространства страны—около $^1/_5$ всѣхъ земель Франціи. Это экономическое могущество давало имъ мѣсто перваго, господствующаго сословія въ странѣ. *Вся сила феодализма была основана на крупномъ землевладѣніи и полной зависимости крестьянъ отъ власти и воли помѣщика.*

И среди дворянъ французскій король былъ лишь «первымъ» среди равныхъ. Королевскія домены (помѣстья) занимали пятую часть всей французской территоріи, а королевскіе лѣса, назначенные исключительно для охоты,—пространство въ милліонъ моргеновъ (1 моргенъ=$^1/_2$ десятины).

Французскій король, въ качествѣ перваго помѣщика, имѣлъ 477 милліоновъ франковъ годового дохода. На содержаніе одной лишь его особы уходило около $^1/_4$ всѣхъ государственныхъ доходовъ. Интересы его были неразрывными узами связаны съ интересами «его» дворянства. И нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что онъ всей силой своего политическаго могущества отстаивалъ феодальныя привилегіи и вмѣстѣ съ дворянствомъ противился всѣмъ реформамъ, грозившимъ поколебать устои стараго порядка. Малѣйшія попытки крестьянъ стряхнуть съ себя тяжесть повинностей подавлялись съ безпощадной жестокостью. Крестьянскіе бунты всегда имѣли одинъ и тотъ же печальный исходъ. Слабо вооруженныя кучки крестьянъ разсѣивались правительственными войсками, и начиналась кровавая драма: повстанцевъ вѣшали, колесовали, сжигали ихъ дома, насиловали женщинъ... и на время наступало «спокойствіе»...

Такова была эта «старая» Франція. Для крестьяннна—«vita dolorosa» (многострадальная жизнь), для короля, дворянъ и духовенства—средство господства и «законнаго» грабежа народа.

Сколько горечи и злобы должно было накопиться въ душѣ сельскаго населенія противъ феодальнаго режима! Эти-то гнетъ, нищета и порабощеніе и подготовили крестьянъ къ будущей революціи.

Дружнымъ натискомъ революціоннаго народа были снесены всѣ авторитеты стараго строя—королевскій абсолютизмъ, власть церкви и право монопольной земельной собственности. Земли крупныхъ аграріевъ-дворянъ были конфискованы революціоннымъ правительствомъ Конвента, обращены въ государственную собственность и

поступили въ руки частныхъ крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ. Мѣсто монопольнаго землевладѣнія занялъ свободный торговый обмѣнъ и, такимъ образомъ, въ корнѣ была подорвана экономическая мощь землевладѣльцевъ-дворянъ...

Въ 1814 году Наполеонъ палъ и Бурбоны (старая королевская династія) снова вернулись на королевскій престолъ. Эмигрировавшіе и высланные въ эпоху революціи дворяне также вернулись во Францію. Все теперь для нихъ было ново и все шло вразрѣзъ съ ихъ желаніями и привычками. Франція была свободна, но они хотѣли видѣть въ ней не свободныхъ гражданъ, а прежнихъ неимущихъ, безправныхъ паріевъ-крестьянъ. Лишенные былыхъ преимуществъ, былого величія, они мечтаютъ еще разъ «повернуть назадъ колесо исторіи» — возстановить старый, рухнувшій порядокъ. Объединившись вокругъ короля въ реакціонную партію, они упорно, шагъ за шагомъ, пытаются свести на-нѣтъ всѣ завоеванія революціи.

Людовикъ XVIII, вступивъ на престолъ, далъ Франціи, такъ называемую, хартію, которой въ странѣ устанавливалась конституціонная монархія. Въ силу высокаго ценза, политическія права были предоставлены весьма незначительной части французскаго общества: на 25 милліоновъ населенія приходилось едва 90 тысячъ избирателей съ активнымъ и 15—съ пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Такая конституція передавала политическую власть въ руки буржуазіи. Дворянство ставитъ своей цѣлью отстранить буржуазію отъ активнаго вмѣшательства въ политическую жизнь. Подъ вліяніемъ дворянства издается цѣлый рядъ новыхъ избирательныхъ законовъ, ставящихъ обладаніе политическими правами въ зависимость отъ *земельной* собственности. Но не такъ легко было вернуть назадъ конфискованныя земли. Правда, часть ихъ была возвращена еще въ эпоху имперіи, но эта была лишь малая доля, большинство же земель было такъ раздроблено, что собрать ихъ не было никакой возможности. Это не помѣшало однако духовенству и дворянству возстановить свои феодальныя привилегіи въ новой формѣ: они выхлопотали у короля вознагражденіе за потерянныя земли въ размѣрѣ одного милліарда франковъ (400 милліоновъ рублей). Всѣ сторонники революціи и люди, извѣстные своей революціонной дѣятельностью въ прошломъ, подвергались безпощадному преслѣдованію со

стороны реакціонеровъ при явномъ и тайномъ содѣйствіи правительства. Въ столицѣ и провинціи царилъ бѣлый терроръ, по своей кровожадности далеко превосходившій кровавый терроръ Конвента. Духовенство пытается вернуть прежнее вліяніе на политическую и духовную жизнь страны и забрать въ свои руки дѣло народнаго образованія. Учителя были поставлены подъ наблюденіе епископовъ. Одинъ изъ нихъ даже былъ назначенъ grand maitr, омъ (высшимъ покровителемъ) университета. Народъ сжился съ политической свободой—реакціонеры мечтали возстановить старую абсолютную монархію и лишить націю даже призрака политическихъ правъ.

Но это были безумныя, безуспѣшныя попытки, съ самаго начала обреченныя на неудачу. Теперь Франція была уже не та. За періодъ революціи всѣ общественныя отношенія глубоко измѣнились. Новые классы, зародившіеся еще въ старой Франціи, выросли, окрѣпли и успѣли приспособить новый политическій строй къ защитѣ своихъ классовыхъ интересовъ. Если старая монархія была защитницей интересовъ крупнаго землевладѣнія, интересовъ аграріевъ-дворянъ, то эпоха Консульства, Директоріи и первой Имперіи носила на себѣ рѣзкій отпечатокъ классового господства буржуазіи. Она одна обладала политическими правами; уголовное и фабричное законодательства носили буржуазный характеръ. Съ этимъ-то врагомъ—стойкимъ, сильнымъ – и столкнулись прежде всего вернувшіеся на родину эмигранты-дворяне.

Ростъ и значеніе буржуазіи начались еще въ эпоху стараго порядка. Колоссальный ростъ производства и необычайное расширеніе внѣшней торговли дѣлали изъ нея крупную политическую силу, способную вступить въ борьбу съ духовенствомъ и дворянствомъ. Послѣ революціи 1789 года значеніе ея еще болѣе увеличилось. Новый политическій строй былъ собственно организаціей для защиты ея классовыхъ интересовъ. Ея экономическое могущество возросло и окрѣпло. Конфискованныя церковныя и дворянскія земли лишь въ незначительномъ количествѣ попали въ руки крестьянства – большей частью ими завладѣла крупная и средняя буржуазія.

Съ досадой и ненавистью смотрѣла теперь она на реакціонныя попытки стараго дворянства: вернуть страну въ рамки стараго режима и завладѣть политической властью. Въ эпоху реставраціи могуще-

ство буржуазіи еще болѣе возросло и она уже не хотѣла довольствоваться той второстепенной ролью, которую отводили ей аристократы-землевладѣльцы, и сама мечтала завладѣть политической властью.

Но не одна буржуазія боролась съ духовенствомъ и дворянствомъ: двѣ грозныя силы стояли еще въ рядахъ оппозиціи—*крестьянство* и *пролетаріатъ*.

Вихрь революціи сбросилъ съ плечъ крестьянства тяжесть страданій и гнетъ стараго порядка. Теперь крестьянинъ осуществилъ давно желанную мечту—получилъ въ собственность мелкій клочокъ земли. Увлеченный своей любовью къ землѣ, онъ готовъ былъ отказаться отъ дальнѣйшей революціи; и если бы аристократы-землевладѣльцы не были ослѣплены ненавистью къ новому политическому строю, они легко могли бы опереться на консервативное, политически мертвое крестьянство. Напротивъ, ихъ попытки снова наложить на крестьянъ иго рабства и лишить ихъ земли—лишь волновали крестьянство.

Оно боролось противъ реставраціи не во имя какихъ-либо опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ, а потому, что съ ней связывались всѣ страданія стараго порядка и потеря земельной собственности. Не менѣе враждебно не только по отношенію къ дворянству, но и къ буржуазіи былъ настроенъ пролетаріатъ.

Великая революція почти ничего не принесла ему. Его политическія права были сокращены и въ политической жизни онъ попрежнему оставался безправнымъ паріемъ. Вся дѣятельность революціонныхъ правительствъ, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, носила рѣзко выраженный классовой характеръ. Суровыми, чисто драконовскими законами встрѣченъ былъ пролетаріатъ на зарѣ его сознательнаго движенія. Національное Собраніе лишаетъ его права коалицій, считая ихъ преступленіемъ противъ закона и организаціей для защиты «мнимыхъ» интересовъ и нуждъ. Позднѣе—въ эпоху первой имперіи—издается цѣлый рядъ законовъ, ставящихъ хозяевъ и рабочихъ въ совершенно неодинаковыя условія. Законъ разрѣшаетъ союзы хозяевамъ, но жестоко караетъ за нихъ же рабочихъ; опредѣляетъ случаи, при которыхъ хозяину можно вѣрить на слово; наконецъ, издаются постановленія, запрещающія прислугѣ нанимать комнату безъ вѣдома господъ и оставаться болѣе одного мѣсяца безъ работы.

Революція 1789 г. была революціей буржуазной и не только по той активной роли, которую играла въ ней буржуазія, но, главнымъ образомъ, по сущности произведенныхъ ею соціальныхъ преобразованій: она смела послѣдніе остатки феодализма и расчистила свободный путь нарождающемуся капиталистическому строю. Весь ходъ промышленнаго развитія страны поставилъ на первое мѣсто буржуазію, которая вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и революціонной частью крестьянства боролась противъ стараго порядка. Общій врагъ объединялъ тогда весь революціонный народъ и до извѣстной степени сглаживалъ остроту классовыхъ противорѣчій.

Но лишь только пала старая власть, какъ эти противорѣчія обнаружились во всей своей силѣ и, несмотря на это, ни пролетаріатъ, ни его представители не шли дальше мелко буржуазныхъ мечтаній. Ихъ теоріи по своимъ идеаламъ и средствамъ осуществленія были слишкомъ далеки отъ точныхъ выводовъ научнаго соціализма. Лишь постепенно, шагъ за шагомъ, отказывался ремесленникъ отъ своихъ мелкобуржуазныхъ стремленій и переходилъ въ ряды соціалистовъ-пролетаріевъ.

Этому въ значительной мѣрѣ способствовала эпоха реставраціи. Вмѣстѣ съ ростомъ капитализма и увеличеніемъ количества фабрикъ росъ и организовывался пролетаріатъ. Это былъ уже чистый пролетарій съ пролетарской массовой психологіей. Частая нужда и постоянная близость другъ къ другу выработали у него духъ солидарности, общности интересовъ и сознаніе необходимости объединенной, совмѣстной борьбы.

Вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ промышленности развивались безработица и нищета. Введеніе машинъ, банкротства мелкихъ предпринимателей, не имѣющихъ силъ конкурировать съ крупными капиталистами, ежедневно выкидывали на улицу сотни и тысячи свободныхъ рабочихъ рукъ. Бунты и стачки неудержимо вспыхивали повсюду и подавлялись вооруженной силой. Но корень соціальнаго зла оставался нетронутымъ, и рабочій вопросъ дѣлался все болѣе жгучимъ, болѣе неотложнымъ. Частная благотворительность и благотворительность правительства лишь смягчали на время остроту болѣзни, не устраняя ея причины. На почвѣ этихъ-то страданій и тяжелаго положенія и появились первые, еще несовершенные ростки соціа-

лизма Сенъ-Симона и Фурье. Но весь пролетаріатъ въ массѣ былъ еще далекъ отъ соціализма.

Съ тяжелой экономической нуждой пролетаріата соединялось еще полное политическое безправіе. Рабочіе и ремесленники были лишены участія въ политической жизни страны, такъ какъ высокій избирательный цензъ лишалъ ихъ права участія въ выборахъ депутатовъ. Все это—нищета и политическое безправіе—революціонизировало пролетаріатъ и дѣлало изъ него массу всегда недовольную, всегда готовую принять участіе въ революціонномъ движеніи. Іюльская революція, подготовленная крупной буржуазіей, была совершена народомъ, который ринулся въ нее готовый побѣдить или умереть.

Въ то время пролетаріатъ не былъ еще сорганизованъ въ особую политическую партію съ вполнѣ опредѣленными идеалами и задачами. Интересы его сознательной части и мелкаго мѣщанства выражала республиканская партія.

Трудно опредѣлить соціальный составъ этой партіи. Въ нее входили старые революціонеры, пережившіе бури великой революціи, пылкая молодежь, рабочіе, мелкое мѣщанство. Все это были пылкіе, страстные люди, всегда готовые отдать жизнь въ борьбѣ за свои идеалы, тѣсно сплоченные однимъ чувствомъ—любовью къ свободѣ и народовластію. И въ идейномъ отношеніи партія была далеко не однородна. Въ ней уживались два совершенно различныхъ теченія. Съ одной стороны, выдвигалась группа демократовъ, сторонниковъ демократической конституціи 1793 года, не шедшихъ дальше политическихъ реформъ, съ другой—немногочисленные сторонники Сенъ-Симона, считавшіе одинъ политическій переворотъ, безъ измѣненія основъ соціальной экономической жизни, не достигающимъ цѣли. Наравнѣ съ политическимъ переворотомъ, они считали необходимымъ измѣненіе соціальныхъ отношеній.

«Вотъ о чемъ у насъ говорятъ—писали сенъ-симонисты въ одной изъ своихъ газетъ—долой всѣ привилегіи! долой привилегію рожденія! долой монополію богатства! долой эксплуатацію человѣка человѣкомъ! долой соціальное неравенство! Вотъ что насъ занимаетъ и о чемъ печать совсѣмъ не говоритъ. Вообще она хлопочетъ лишь о политической перемѣнѣ. Между тѣмъ самыя великія реформы—перевороты не политическіе, если онѣ не сопровождаются переворо-

тами соціальными, изъ нихъ ничего или почти ничего не выходитъ, Пусть промышленность освободится отъ закона заработной платы. закона произвольнаго и тиранническаго!..

Опредѣленнаго соціалистическаго идеала сторонники соціальной революціи однако не выставляли. Между ними были послѣдователи Бабёфа, ученики новыхъ соціалистическихъ системъ Сенъ-Симона и Фурье, хотя въ общемъ и тѣ и другіе имѣли крайне незначительное вліяніе въ средѣ тогдашняго пролетаріата. Соціализмъ тогда только что зарождался и имѣлъ сторонниковъ почти исключительно среди интеллигенціи. Сенъ-симонисты, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, стояли даже почти въ сторонѣ отъ активной политической борьбы. Вліяніе Сенъ-Симона и Фурье было пока что чисто идейное. Ихъ соціалистическіе идеалы, а, главное,—средства къ ихъ осуществленію были крайне несовершенны Экономическія отношенія не были тогда такъ высоко развиты, какъ теперь; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что утописты мечтали о совершеніи переворота не путемъ углубленія классовыхъ противорѣчій, а путемъ ихъ затемненія, сглаживанія. Потребовался долгій періодъ экономическаго развитія и цѣлый рядъ бурныхъ пролетарскихъ возстаній, прежде чѣмъ мечтанія утопистовъ замѣнились точными выводами научнаго соціализма.

Однако же у демократовъ (представителей мелкой радикальной буржуазіи) и у соціалистовъ былъ одинъ общій политическій идеалъ — республика со всеобщей подачей голосовъ или демократическая конституція 1793 г. Этотъ-то идеалъ и объединялъ въ одно цѣлое и радикальную демократію, и соціалистическую интеллигенцію.

Преслѣдованія правительства заставляли республиканцевъ организовываться въ тайные кружки и общества. Отсутствіе всякихъ легальныхъ условій борьбы придавали ихъ дѣятельности форму заговоровъ и вооруженныхъ возстаній, исходъ которыхъ былъ почти всегда неудаченъ.

Въ дни іюльской революціи республиканцы и были главными организаторами и руководителями борьбы.

II

Пролетаріатъ въ іюльскіе дни

Таковы были общественныя отношенія во Франціи наканунѣ іюльской революціи, которая была вовсе не случайнымъ явленіемъ. Причины ея глубоко коренились въ совершившемся въ обществѣ экономическомъ переворотѣ и совершенно новомъ размѣщеніи общественныхъ силъ. Борьба классовъ была неизбѣжна и политическое могущество рано или поздно должно было перейти въ руки наиболѣе сильнаго экономически и наиболѣе сплоченнаго класса—буржуазіи.

Вначалѣ борьба велась въ парламентѣ и печати безъ активнаго вмѣшательства широкихъ массъ. Лишь наиболѣе сознательные слои народа, группировавшіеся около различныхъ политическихъ партій, слѣдили за ходомъ и различными измѣненіями этой борьбы. Между представителями реакціи, интересы которой воплощалъ въ себѣ Карлъ X, ярый сторонникъ дворянства и духовенства, и оппозиціонной частью буржуазныхъ депутатовъ и начались первыя столкновенія. Карлъ X нѣсколько разъ распускалъ палату и назначалъ новые выборы въ надеждѣ, что они дадутъ желанный составъ. Но результатъ былъ всегда одинъ и тотъ же и всегда отрицательный для правительства: новая палата въ большинствѣ была враждебна правительству. Наконецъ, король рѣшился произвести государственный переворотъ, измѣнивъ нѣкоторыя статья существующей конституціи. 26 іюля 1830 года были изданы, такъ называемые, ордонансы (распоряженія), которые наиболѣе полно выражали затаенныя мечты и пожеланія реакціонеровъ. Первый изъ ордонансовъ, въ формѣ доклада министровъ королю, доклада, полнаго лжи и клеветы на печать, ставилъ ее въ полную зависимость отъ каприза и произвола администраціи. Цѣлый рядъ другихъ ордонансовъ измѣнялъ конституцію въ интересахъ землевладѣльческаго класса. Политическія права ставились въ зависимость исключительно отъ земельнаго налога. Это лишало избирательныхъ правъ большинство промышленниковъ—капиталистовъ и выдвигало на первое мѣсто незначительное число

крупныхъ землевладѣльцевъ. Государственный Совѣтъ пополнялся новыми лицами, извѣстными своей преданностью королю и непримиримой враждой къ существующей конституціи.

Изданіе ордонансовъ перенесло рѣшеніе спора изъ стѣнъ парламента на улицу и положило начало революціонной борьбѣ. Но пролетаріатъ и буржуазія отозвались неодинаково на вызовъ правительства. Трудящаяся масса цѣликомъ вынесла на своихъ плечахъ эту борьбу, проявляя всюду героизмъ, благородство и примѣры великодушія. Буржуазія съ самаго начала думала не объ активной борьбѣ, не о революціи, а лишь о легальномъ протестѣ и своей робостью и нерѣшительностью вносила лишь замѣшательство въ ряды борцовъ. Всѣ эти буржуа боялись народа гораздо больше, чѣмъ деспотизма и насилія правительства. «Подумайте только,—говорилъ одинъ мануфактуристъ, — подумайте, если вы дадите рабочимъ оружіе, они будутъ драться, если вы имъ его не дадите, они будутъ красть».

Между тѣмъ народъ, вначалѣ спокойный (ордонансы лишь постепенно сдѣлались извѣстны широкой публикѣ), начинаетъ волноваться и сплочиваться въ грозную силу. Парижъ дрогнулъ. Настроеніе въ центральныхъ частяхъ города быстро растетъ, улицы наполняются толпами негодующаго народа. Распоряженіе администраціи—запечатать и закрыть типографіи прогрессивныхъ газетъ — еще болѣе увеличиваетъ возбужденіе и желаніе активнаго протеста.

Первыми на выходку правительства отвѣтили журналисты. Составленный ими протестъ, правда, не отличался особо рѣзкимъ характеромъ, но все же въ такое бурное время онъ могъ послужить и — дѣйствительно—послужилъ первымъ сигналомъ къ возстанію. «Теченіе законнаго порядка вещей — говорилось въ этомъ протестѣ — прервано, началось господство силы... Правительство утратило характеръ законности... Мы, съ своей стороны, сопротивляемся ему». Наиболѣе пылкіе и горячіе изъ нихъ братались съ собравшимся около редакціи „National'я“ народомъ. «Скажите своимъ товарищамъ, — говорили они,—что мы охвачены тѣмъ же чувствомъ, что и вы; что мы готовы также исполнить свой долгъ и итти навстрѣчу тѣмъ же опасностямъ».

Къ вечеру 27-го іюля движеніе принимаетъ уже характеръ народнаго возстанія. Отъ центра города волненіе быстро распространяется

по окраинамъ, захватывая и увлекая все большія и большія массы народа. Къ рабочимъ присоединяются національные гвардейцы, ученики политехнической школы, полные энтузіазма и желанія вооруженной борьбы. Улицы оглашаются громкими криками: «да здравствуетъ хартія!» И измученный народъ вкладываетъ въ этотъ кличъ всѣ смутныя надежды, всѣ стремленія, таившіяся на днѣ его души.

Кое-гдѣ начались столкновенія съ войсками; пали первыя жертвы, а вслѣдъ за тѣмъ улицы и переулки города быстро покрылись баррикадами. Активное участіе въ борьбѣ республиканцевъ демократовъ, ихъ пылъ, преданность дѣлу свободы и энтузіазмъ невольно передаются массѣ Всѣхъ объединяетъ чувство мести за пролитую кровь, негодованіе и жажда борьбы... Колебаніе войскъ, ихъ нерѣшительность еще болѣе поднимаютъ настроеніе и смѣлость народа ..

Вечеръ и ночь на 28 іюля прошли спокойно. Въ темнотѣ тихо собирались толпы народа, увеличенныя пришедшими изъ предмѣстій рабочими; строились баррикады; мѣстами обезоруживались конные и пѣшіе патрули.

Утромъ городъ походилъ на осажденный лагерь. Разбирались мостовыя; воздвигались новыя баррикады... Мѣстами, подъ звонъ набата, отливались пули, готовились патроны—народъ самъ доставалъ себѣ оружіе.

Между тѣмъ правительство объявляетъ городъ въ осадномъ положеніи и пытается силою оружія затушить вспыхнувшее движеніе... Но мрачные и молчаливые солдаты неохотно подчиняются приказанію — стрѣлять въ народъ.

Стоны умирающихъ смѣшиваются съ звуками неумолкающаго набата, ружейными и пушечными залпами. Рабочіе, молодежь падаютъ сотнями, но упорно, съ отчаянной храбростью оттѣсняютъ войска и берутъ одну позицію за другой... Къ старымъ лозунгамъ вчерашняго дня присоединяются новые, показывающіе, какъ далеко зашло уже движеніе. «Долой Карла X! Долой Бурбоновъ! Да здравствуетъ республика!» —раздавалось въ шумѣ битвы.

Но въ богатыхъ кварталахъ города движеніе носило совсѣмъ иной характеръ. Здѣсь всѣ были проникнуты однимъ чувствомъ — сохранить порядокъ. «Мы находимся здѣсь только для того, чтобы охранять собственность» — кричали войскамъ національные гвардейцы, на-

ходившіеся въ предмѣстьѣ Сенъ-Оноре, одномъ изъ самыхъ богатыхъ кварталовъ.

День 28 іюля не рѣшилъ еще исхода битвы. Ночь прошла въ нервномъ, напряженномъ состояніи. Возмущенный негодующій народъ уже не думалъ отступать. Удачная дневная борьба придала ему силы и надежду на возможность полнаго низверженія ненавистной власти.

29 іюля утромъ началась новая рѣшительная битва. Войска разрушали баррикады, но на смѣну имъ вырастали новыя. Женщины, дѣти принимали горячее участіе въ борьбѣ, бросали въ войска камни, обломки мебели; съ грудными младенцами на рукахъ онѣ падали жертвою солдатскихъ пуль, но ихъ смерть лишь усиливала гнѣвъ и негодованіе народа. Дѣти стрѣляли въ войска, убивали офицеровъ, лошадей. «Народъ, настоящій народъ, народъ баррикадъ никогда не былъ такъ прекрасенъ». Колебаніе войскъ и, наконецъ, открытый переходъ нѣкоторыхъ полковъ пѣхоты на сторону инсургентовъ рѣшили исходъ борьбы. Сопротивленіе вѣрныхъ королю швейцарскихъ полковъ и гвардіи было сломлено послѣ взятія Лувра и Тюльери. Народъ вышелъ побѣдителемъ. Онъ ликовалъ и всѣ слѣдующіе дни оглашалъ улицы Парижа звуками любимой, такъ еще недавно запрещенной «марсельезы».

III

Роль и поведеніе буржуазіи

Борьба кончилась побѣдой народа. Казалось естественнымъ, что народъ и долженъ былъ бы воспользоваться ея результатами. Но въ дѣйствительности получилось не то: не народъ, а крупная буржуазія пожала плоды іюльскихъ дней.

Съ самаго начала она не принимала активнаго, непосредственнаго участія въ борьбѣ. Ея положеніе было крайне неопредѣленнымъ, поведеніе двусмысленнымъ. Съ одной стороны, ей угрожала старая монархія, посягающая въ своихъ ордонансахъ на всѣ буржуазныя вольности и права, съ другой,—побѣда народа, быть можетъ диктатура народныхъ вождей, болѣе страшная, нежели диктатура короля; тревога, сомнѣніе и смятеніе господствовали въ рядахъ буржуазіи въ то время,

какъ народъ безстрашно, самоотверженно погибалъ на баррикадахъ. Побѣдитъ ли народъ, или старая власть было неизвѣстно. «Исключительно легальный протестъ» —таковъ былъ лозунгъ буржуазіи до окончательнаго выясненія положенія дѣлъ.

Но по мѣрѣ того, какъ побѣда все болѣе и болѣе склонялась на сторону народа, буржуазія дѣлалась рѣшительнѣе и смѣлѣе.

Сначала она растерялась и никакъ не могла принять какую-либо форму протеста на явно беззаконную выходку правительства. Кругомъ лилась кровь, гибли тысячи жертвъ—она продолжала оставаться въ предѣлахъ «законности, благоразумія и уваженія къ королевскому достоинству».

Въ первый разъ депутаты, бывшіе въ Парижѣ въ качествѣ народныхъ представителей, собираются въ салонѣ Казимира Перье. Напрасно умоляли ихъ, по примѣру журналистовъ, протестовать противъ ордонансовъ правительства, указывая на разрастающееся всюду движеніе. Они тратили время въ пустыхъ спорахъ и разговорахъ, въ то время, какъ молодежь, собравшаяся около дома Казимира Перье, на ихъ глазахъ падала подъ ударами жандармовъ и кавалеріи. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали принять рѣшительныя мѣры и примкнуть къ народу, но въ концѣ концовъ «благоразумная» часть взяла верхъ: они разошлись, не принявъ ничего опредѣленнаго.

28 іюля утромъ депутаты снова собираются въ отелѣ Одре де-Пюрово, дворъ котораго былъ переполненъ шумной и раздраженной толпой. Возбужденныя толпы рабочихъ и молодежи, разгорающееся движеніе, казалось, подняли настроеніе депутатовъ и сдѣлали робкихъ болѣе рѣшительными. Умѣренныя рѣчи замѣнялись страстными и рѣзкими. «Вы слышите громъ пушекъ, слышите вы вздохи умирающихъ? Берегитесь потерять время! Мы должны руководить революціей: намъ нужно выбирать между королевской гвардіей и народомъ»—говорилъ депутатъ Могенъ.— «Я протестую—восклицаетъ поспѣшно Дюпенъ—противъ всякаго дѣйствія, выходящаго изъ предѣловъ законности». «Скажите, какъ примирить законность съ ружейными залпами, которые продолжаются вотъ уже два дня» — возражаетъ ему Лафайетъ, презрительно улыбаясь. Между тѣмъ приходитъ извѣстіе, что народъ взялъ городскую ратушу и образовалъ тамъ свое правительство. Подъ вліяніемъ этого извѣстія депутаты рѣшаются принять выработанный

Гизо протестъ и послать депутацію къ командующему войсками съ просьбой прекратить стрѣльбу и рѣзню. Но это было слишкомъ мало, ничтожно и далеко отъ того, что требовала борьба. И какъ робки и жалки были слова протеста! «Нижеподписавшіеся, правильно избранные депутаты,—говорилось въ немъ,—находясь въ настоящее время въ Парижѣ, считаютъ себя безусловно обязанными, по долгу предъ королемъ и націей, протестовать противъ мѣръ, которыя совѣтники короны, искажая намѣренія монарха, только что предприняли для низверженія законной системы выборовъ и на гибель свободѣ прессы... Вышеупомянутыя мѣры въ глазахъ нижеподписавшихся совершенно противорѣчатъ конституціонной хартіи, публичнымъ правамъ французовъ... и способны повергнуть государство въ смятеніе, которое обрекаетъ на гибель, какъ настоящее спокойствіе, такъ и будущую безопасность. Въ виду этого нижеподписавшіеся... протестуютъ съ общаго согласія не только противъ вышеупомянутыхъ мѣръ, но и противъ всѣхъ проистекающихъ изъ нихъ актовъ... И такъ какъ, съ одной стороны, палата депутатовъ не могла быть законно распущена, а съ другой — попытка образовать другую палату депутатовъ по новому и произвольному способу находится въ формальномъ противорѣчіи съ конституціонной хартіей и правами, пріобрѣтенными избирателями, нижеподписавшіеся объявляютъ, что они на себя попрежнему смотрятъ, какъ на депутатовъ, законно избранныхъ... И если нижеподписавшіеся на дѣлѣ не используютъ своихъ правъ и на дѣлѣ не исполнятъ всѣхъ обязанностей, наложенныхъ на нихъ законнымъ избраніемъ, то только потому, что они встрѣтятъ препятствія со стороны грубой силы, противъ которой они не перестанутъ протестовать».

Принявъ протестъ и отправивъ депутацію къ командующему войсками, они разошлись, рѣшивъ собраться тотчасъ же послѣ возвращенія депутатовъ для выслушанія отвѣта.

Результатъ депутаціи былъ крайне плачевенъ. Командующій войсками герцогъ Мармонъ наотрѣзъ отказался прекратить борьбу, ссылаясь на «честь» солдата. «Ваша честь!—живо воскликнулъ банкиръ Лаффитъ — ваша честь, господинъ маршалъ! Но существуетъ одна честь, и изъ всѣхъ преступленій самое тяжкое это—проливать кровь своихъ согражданъ!»... Герцогъ остался непреклоненъ.

Въ 4 часа депутаты собрались снова. Отвѣтъ герцога возмутилъ всѣхъ, даже робкіе сдѣлались болѣе смѣлыми. Но какое принять рѣшеніе?.. Напрасно журналисты Андра и Барбару, ворвавшіеся въ залу, убѣждали депутатовъ стать во главѣ инсургентовъ, руководить народомъ, возставшимъ за дѣло буржуазіи. Депутаты не отважились на такой шагъ и рѣшили лишь опубликовать принятый уже протестъ и собрать подъ нимъ подписи. Послѣднее рѣшеніе многихъ испугало. Мало-по малу робкіе вышли и отъ многолюднаго раньше собранія осталось лишь незначительное число членовъ. Рѣшено было вмѣсто дѣйствительныхъ подписей приложить списокъ именъ, а такъ какъ и это казалось слишкомъ рискованнымъ, то предложили увеличить этотъ списокъ именами всѣхъ либеральныхъ депутатовъ, еще не прибывшихъ въ Парижъ.

«Вотъ это рѣшеніе! - воскликнулъ, смѣясь, Лаффитъ,—если насъ побѣдятъ, никто не подписался; если мы побѣдимъ,—недостатка въ подписяхъ не будетъ!»

Но пока депутаты колебались, робѣли и, наконецъ, кончили ничего не значащей формой протеста, — народъ уже сломилъ сопротивленіе войскъ. Теперь движеніе легко могло пойти дальше и поколебать самыя основы существующаго порядка. Вожди народа, республиканцы, увлеченные побѣдой, мечтали о полномъ равенствѣ и народоправіи. «Народъ былъ борцомъ и побѣдителемъ—такъ пусть онъ самъ воспользуется своей побѣдой» — говорили они. Лозунгъ— «да здравствуетъ республика!» —раздавался все громче и чаще.

Буржуазія встрепенулась и обнаружила изумительную энергію. Призракъ грозной силы пролетаріата, руководимаго республиканцами, заставилъ заговорить ея классовой инстинктъ. Надо было дѣйствовать быстро, смѣло, рѣшительно. Врагъ справа—королевская власть—былъ сломленъ; въ лицѣ недавняго союзника — пролетаріата — она видѣла лишь «анархію», безпорядокъ и угрозу основамъ собственности. Надо было задушить дальнѣйшее движеніе, остановить революцію, не дать ей развиться дальше и, забравши власть въ свои руки, руководить движеніемъ.

Городская ратуша еще до полной побѣды была взята народомъ и здѣсь распоряжались республиканцы, вовсе не думавшіе слагать оружіе. Буржуазія быстро организуетъ изъ своей среды муниципальную

комиссію, и поручаетъ ей стать во главѣ ратуши, чтобы отъ имени депутатовъ руководить движеніемъ. Образовалось, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ временнаго правительства, хотя буржуазія постаралась устранить это громкое, революціонное слово «временное», а назвала совѣтъ ратуши просто «комиссіей». Этимъ еще разъ она пыталась показать, что дѣло совсѣмъ не идетъ объ окончательномъ разрывѣ съ прошлымъ. «Депутаты, — говорилось въ выпущенной по этому поводу прокламаціи — находящіеся въ Парижѣ, сочли своей обязанностью собраться, чтобы устранить тѣ безпорядки, которые угрожали безопасности лицъ и собственности. Особая комиссія, въ виду отсутствія всякой правильно организованной власти, учреждена для охраны интересовъ всѣхъ и каждаго».. Объ измѣненіи основъ существующаго строя—конституціонной монархіи—намѣренно не говорилось ни слова. Вся прокламація, какъ нельзя лучше, обнаруживала затаенныя мысли буржуазіи: охрана собственности. И это въ то время, когда никакой угрозы собственности на самомъ дѣлѣ не было: народъ былъ безкорыстенъ и самъ подавлялъ малѣйшія попытки къ грабежу и разбою.

Вотъ нѣсколько яркихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о безкорыстіи народа въ іюльскіе дни. Во время взятія Тюльери и Лувра богатый человѣкъ подошелъ къ бѣдняку и говоритъ: «мой другъ, ты имѣешь ружье, присмотри за этими роскошными шкафами». — «Хорошо»,—отвѣтилъ бѣднякъ.

Одинъ молодой человѣкъ забралъ королевскую шляпу съ очень дорогими украшеніями. Народъ остановилъ его. «Куда вы идете? Красть нельзя». «Это я беру себѣ на «память»,—отвѣтилъ тотъ. — «Прекрасно. Въ такомъ случаѣ цѣнность вещи имѣетъ мало значенія». Съ этими словами у него берутъ шляпу, снимаютъ драгоцѣнности и потомъ въ такомъ видѣ возвращаютъ ее. Одинъ рабочій былъ хранителемъ музея. Онъ ничего не тронулъ и, спустя нѣсколько дней, когда установился порядокъ, онъ былъ безъ работы и голодалъ.

И все-таки, несмотря на это, буржуазія продолжала трепетать за свою собственность. Чувство братства, которое, казалось, всѣхъ объединяло въ борьбѣ, мгновенно замѣнилось недовѣріемъ, боязнью предъ пролетаріатомъ. Вооруженная буржуазія занялась охраненіемъ своей собственности: «буржуа въ мундирахъ обезоруживали и арестовывали рабочихъ въ курткахъ».

Между тѣмъ поведеніе буржуазіи и безцеремонный тонъ прокламацій вызвали неудержимый взрывъ протеста Республиканцы и сознательная часть народа были возмущены ея слишкомъ наглымъ и явнымъ стремленіемъ забрать въ свои руки только что завоеванную власть. Они не хотѣли удовлетвориться лишь одной видимостью побѣды и думали сложить оружіе только тогда, когда побѣда народа будетъ внѣ сомнѣній.

IV

Республиканцы и буржуазія

Общій врагъ былъ сломленъ. Правительства Карла X не существовало. Теперь началась борьба между республиканцами и буржуазіей.

Изъ всѣхъ событій іюльскихъ дней эта борьба особенно интересна потому, что въ ней впервые столкнулись другъ съ другомъ двѣ силы, шедшія до сихъ поръ почти всегда вмѣстѣ въ борьбѣ противъ остатковъ феодализма: крупная буржуазія съ одной стороны, революціонная демократія и пролетаріатъ съ другой. Съ этихъ поръ пролетаріатъ и мелкая буржуазія выдѣляются изъ общихъ рядовъ оппозиціи и постепенно обособляются: первый въ пролетарскую, вторая въ радикально-демократическую политическую партію.

И пріемы, и цѣли борьбы республиканцевъ и буржуазіи были совершенно различны. Республиканцы - демократы были революціонеры и по своей психологіи, и по своимъ пріемамъ и способамъ борьбы. Энергичные, самоотверженные они любили народъ и вѣрили не только въ его разрушительную способность, которую онъ такъ часто проявлялъ, но и въ творческую силу массы. Республика, народовластіе, полный демократизмъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни—таковъ былъ ихъ идеалъ. Они отлично знали, что ни старое правительство, ни новое буржуазное этихъ свободъ не дадутъ; не покидая оружія, они рѣшили бороться за полное осуществленіе своего идеала—*демократическую республику.*

Этого-то какъ разъ больше всего и боялась буржуазія. Старое правительство было плохо, но полное народовластіе было еще хуже. Смутно ей рисовался уже красный призракъ соціализма. Вначалѣ бур-

жуазія надѣялась, что правительство, испугавшись неизвѣстнаго исхода уличной борьбы, пойдетъ на уступки, отмѣнитъ ордонансы и въ союзѣ съ ней задавитъ народное движеніе, если бы оно пошло дальше. Она колебалась, выжидала. Правительство пало. Остановить широкій потокъ народнаго движенія, использовать плоды побѣды народа для своихъ завоеваній—такова была теперь ея задача.

Побѣдить въ этой борьбѣ могла партія, на сторонѣ которой была экономическая сила, организація и политическій опытъ, а—главное—сочувствіе широкихъ народныхъ массъ.

Ни того, ни другого не было у республиканцевъ.

Народъ свергнулъ гнетъ стараго политическаго строя, но опредѣленнаго, яснаго политическаго идеала, во имя котораго можно было бы продолжать борьбу, онъ не имѣлъ. Значительная часть мелкой буржуазіи, населеніе провинцій и деревень были удовлетворены паденіемъ Бурбоновъ и не желали продолженія революціи, связанной съ неопредѣленностью и неустойчивостью экономической жизни. Они и безъ того утомились за долгій періодъ революціи и наполеоновскихъ войнъ и желали спокойствія Только на сознательные слои могли опереться и разсчитывать республиканцы. Но это была еще слишкомъ некрѣпкая, слишкомъ ничтожная сила по сравненію со всей массой народа.

Пролетаріатъ только что вступилъ на путь сознательной политической жизни и классового развитія. Онъ былъ уже страшной разрушительной силой, но для того, чтобы творить, организовать новыя формы жизни, итти впереди и руководить движеніемъ ему недоставало ни матеріальныхъ, ни духовныхъ силъ. Соціализмъ, сознаніе необходимости диктатуры пролетаріата, какъ средства для соціальной революціи — все это пришло уже гораздо позже, на болѣе высокой ступени экономическаго развитія и послѣ длиннаго историческаго опыта. Тогда же, при незначительномъ развитіи экономическихъ отношеній, идеалы и средства борьбы были смутны и неопредѣленны.

Въ іюльскіе дни большая часть рабочей массы не отдавала себѣ яснаго отчета въ своихъ стремленіяхъ и идеалахъ. Она шла въ бой, толкаемая голодомъ, нуждой и тяжелымъ экономическимъ положеніемъ.

Совершенно не то представляла изъ себя буржуазія эпохи реставраціи. Основы ея экономической жизни были сильны и крѣпки,

Отчеливо и ясно сознавала она свои классовые интересы и группировку общественныхъ силъ Франціи. Она имѣла опредѣленную тактику и организацію. Изъ ея среды вышло уже не мало видныхъ политическихъ дѣятелей. Все это только обезпечивало ей успѣшный исходъ въ борьбѣ съ республиканцами.

Прежде всего она позаботилась занять освободившійся престолъ новымъ претендентомъ, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ ея интересамъ, былъ бы зависимъ только отъ нея.

Вниманіе депутатовъ остановилось на герцогѣ Орлеанскомъ Луи-Филиппѣ. Будущее показало, что они не ошиблись.

И вотъ открывается дѣятельная, лихорадочная кампанія въ пользу новаго короля. Въ Парижѣ еще не утихли ружейные залпы и воздвигались кресты надъ могилами павшихъ за свободу французовъ, а въ отелѣ богатаго банкира Лаффита занялись уже основаніемъ новой династіи. Общество послѣ низверженія Карла X волнуется и не знаетъ, чѣмъ собственно закончится происшедшій переворотъ. Буржуазія старается привлечь его вниманіе и симпатіи на сторону герцога Орлеанскаго. 30 іюля всѣ стѣны Парижа покрываются слѣдующей прокламаціей: «Карлъ X не можетъ больше вернуться въ Парижъ — онъ пролилъ кровь народа. Республика обрекла бы насъ на ужасные раздоры, она бы насъ пересорила съ Европой. Герцогъ Орлеанскій преданъ дѣлу революціи. Герцогъ Орлеанскій никогда не сражался противъ насъ... Герцогъ Орлеанскій—король гражданинъ... Герцогъ Орлеанскій не высказывается. Онъ ждетъ нашего мнѣнія. Объявимъ это мнѣніе, и онъ приметъ хартію, какъ мы ее всегда понимали и какой хотѣли. И своей короной онъ будетъ обязанъ французскому народу».

Въ прокламаціи преднамѣренно часто повторялось имя герцога для того, чтобы оно, мало извѣстное народу, сильнѣе запечатлѣлось въ его памяти. Депутаты дѣйствуютъ быстро и настойчиво. Нѣкоторые изъ нихъ отправляются къ Луи-Филиппу, который находился въ это время внѣ Парижа, чтобы столковаться и получить его согласіе. Однако объявить его немедленно королемъ буржуазія все же не рѣшалась: среди сознательной части народа росло негодованіе и мѣстами слышался громкій открытый протестъ. Когда 30-го іюля Тьеръ и Минье, выйдя изъ редакціи „National'я“, стали раздавать собрав-

шейся толпѣ листки о герцогѣ Орлеанскомъ, ихъ встрѣтили свистками и криками негодованія. Тогда депутаты назначаютъ герцога лишь намѣстникомъ королевскаго престола и обращаются къ народу съ воззваніемъ: «Собраніе депутатовъ, находящихся въ Парижѣ, полагаетъ, что настоятельно необходимо просить е. к. в., герцога Орлеанскаго, чтобы онъ прибылъ въ Парижъ для исполненія обязанностей намѣстника королевства и высказать ему желаніе, чтобы сохранилось трехцвѣтное знамя (знамя великой революціи). Кромѣ того, собраніе находитъ необходимымъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы въ ближайшей сессіи палатъ Франціи были обезпечены всѣ гарантіи, необходимыя для полнаго и совершеннаго осуществленія хартіи».

Сохранить старую конституцію, приспособивъ ее къ своимъ классовымъ интересамъ,—вотъ о чемъ хлопотали депутаты. Не важно, что эта конституція лишаетъ народъ почти всѣхъ политическихъ правъ: чѣмъ безправнѣе народъ, тѣмъ сильнѣе и полновластнѣе буржуазія...

31 іюля Луи-Филиппъ прибылъ въ Парижъ и выпустилъ воззваніе, въ которомъ говорилъ о своемъ согласіи принять кандидатуру намѣстника престола: «Жители Парижа!—говорилось въ этомъ воззваніи,—депутаты Франціи, находящіеся въ настоящій моментъ въ Парижѣ, выразили желаніе, чтобы я прибылъ въ столицу и взялъ на себя обязанности намѣстника. Я не колеблясь готовъ раздѣлить съ вами ваши опасности, стать въ средѣ этого геройскаго населенія и сдѣлать всѣ усилія, чтобы предохранить васъ отъ гражданской война и анархіи. Вступая въ Парижъ, я съ гордостью несъ славные цвѣта, которые вы снова завоевали и которые я самъ уже давно носилъ. Палаты скоро соберутся, онѣ найдутъ средства для обезпеченія господства закона и поддержанія правъ націи. Хартія отнынѣ будетъ истинной... Луи-Филиппъ Орлеанскій».

Эта прокламація была радостно и восторженно встрѣчена въ палатѣ депутатовъ. Затѣмъ, по предложенію банкира Лаффита, палата рѣшила обратиться съ воззваніемъ къ народу, въ которомъ особенно ярко подчеркивались тѣ принципы и стремленія, съ которыми буржуазія приступала теперь къ власти и для осуществленія которыхъ народомъ принесено было столько жертвъ.

«Французы! Франція свободна. Самодержавіе подняло свое знамя. Геройское населеніе Парижа низвергло его. Парижу брошенъ былъ

вызовъ. Онъ оружіемъ заставилъ восторжествовать священное право.. Власть, узурпировавшая наши права, нарушившая нашъ покой, угрожала одновременно свободѣ и порядку. Мы снова вступаемъ во владѣніе свободой и порядкомъ. Нѣтъ больше страха за пріобрѣтенныя права...

«Въ настоящій моментъ первою потребностью нашего отечества является правительство, которое, не откладывая, гарантировало бы намъ эти блага. Французы, тѣ изъ вашихъ депутатовъ, которые находятся уже въ Парижѣ, собрались... и предложили французу, всегда сражавшемуся только за Францію, герцогу Орлеанскому, взять на себя обязанности намѣстника королевства. Это является въ ихъ глазахъ средствомъ мирнымъ путемъ добиться успѣха самой законной защиты.

«Герцогъ Орлеанскій преданъ національному дѣлу и конституціи. Онъ всегда защищалъ его интересы, исповѣдывалъ его принципы. Онъ будетъ уважать наши права, потому что отъ насъ получилъ свои. Мы обезпечимъ законами всѣ гарантіи, необходимыя для того, чтобы сдѣлать свободу прочной и продолжительной.

«Возстановленіе національной гвардіи съ участіемъ національныхъ гвардейцевъ въ выборѣ офицеровъ.

«Участіе гражданъ въ мѣстномъ и департаментскомъ управленіи...

«Введеніе суда присяжныхъ для преступленій печати.

«Законно установленная отвѣтственность министровъ и второстепенныхъ агентовъ администраціи.

«Обезпеченіе положенія военныхъ.

«Новые выборы для депутатовъ, получающихъ государственную должность...

«Мы будемъ работать съ согласія главы государства надъ совершенствованіемъ нашихъ учрежденій...

«*Хартія отнынѣ будетъ истинной*».

О расширеніи правъ народа, о пониженіи избирательнаго ценза не говорилось ни слова. Этимъ буржуазія еще разъ подчеркнула, что основы прежней, антинародной конституціи остались неизмѣнны...

Между тѣмъ распространяемое по городу воззваніе герцога Орлеанскаго вызвало лишь недовольство, гнѣвъ и презрѣніе со стороны республиканцевъ. «Гдѣ былъ этотъ герой, когда народъ сотнями па-

далъ подъ пулями королевскихъ солдатъ? О какой анархіи говоритъ онъ, какія опасности хочетъ раздѣлить съ народомъ?»

Побѣда, казалось, начинала ускользать изъ рукъ буржуазіи: народъ и стоявшіе во главѣ его республиканцы готовы были начать новую борьбу.

Когда Пьеръ Леру объявилъ инсургентамъ о замыслахъ буржуазіи, въ отвѣтъ ему раздался яростный крикъ: «если это будетъ такъ, война можетъ возобновиться, и мы перельемъ свои пули». По мѣрѣ того, какъ развязка приближалась къ концу, республиканцы удваивали свои усилія и агитацію въ средѣ массъ.

Они требовали созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго голосованія, а до тѣхъ поръ настаивали на передачѣ исполнительной власти въ руки избраннаго Парижемъ временнаго правительства. «Имѣетъ ли право палата депутатовъ, явно не народная и ни въ коемъ случаѣ невыражающая воли націи,—говорили они,—самостоятельно создавать новый порядокъ, не справляясь съ мнѣніемъ народа? Французская нація, въ клочья разметавъ хартію Людовика XVIII, вступила въ обладаніе своимъ правомъ. Она суверенна. Такъ пусть она и рѣшитъ вопросъ о формѣ и сущности правительства».

Собравшіеся въ ресторанѣ Луантье республиканцы съ оружіемъ въ рукахъ готовы были бороться противъ всѣхъ попытокъ буржуазіи учесть въ свою пользу результаты побѣды народа. Послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было послать адресъ временному правительству, засѣдавшему въ городской ратушѣ. «Народъ - говорилось въ немъ— вчера завоевалъ священныя права цѣною своей крови. Одно, наиболѣе драгоцѣнное изъ этихъ правъ—свободно выбирать свое правительство. Не нужно допускать появленія воззваній, назначающихъ главу государства, когда не рѣшенъ еще вопросъ о самой формѣ правленія».

«Теперь существуетъ временное правительство націи. Пусть оно останется несмѣняемымъ до тѣхъ поръ, пока не выяснятся желанія большинства французовъ».

Даже муниципальная комиссія, выбранная депутатами, была возмущена беззастѣнчивой наглостью своихъ товарищей и въ свою очередь обнародовала прокламацію слѣдующаго содержанія: «Франція свободна! Она хочетъ конституціи. Она даруетъ временному прави-

тельству только право совѣщательнаго органа. Пока она не выразитъ свою волю посредствомъ новыхъ выборовъ,—уважайте слѣдующіе принципы: нѣтъ больше королевской власти. Управленіе осуществляется только избранными народными представителями. Исполнительная власть ввѣряется временному президенту. Косвенное или прямое участіе всѣхъ гражданъ въ выборѣ депутатовъ. Свобода вѣроисповѣданія: нѣтъ больше государственной религіи. Чиновники арміи и флота гарантированы отъ всякаго произвольнаго отрѣшенія отъ должности. Учрежденія во всей Франціи національной гвардіи. Національной гвардіи ввѣряется охрана конституціи. Принципы, за которые мы сейчасъ рисковали жизнью, мы, въ случаѣ необходимости, поддержимъ законнымъ возстаніемъ».

Эта прокламація заключала въ себѣ всѣ лучшія пожеланія тогдашнихъ республиканцевъ-демократовъ. Но, выдвигая исключительно политическіе вопросы, она совершенно не затрагиваетъ вопросовъ соціальныхъ, не касается существующаго въ обществѣ способа производства и связанныхъ съ нимъ отношеній людей другъ къ другу.

Еще рѣзче и опредѣленнѣе выражалась прокламація одного центральнаго комитета округа: «Распространяется прокламація отъ имени герцога Орлеанскаго, провозглашающаго себя намѣстникомъ королевства и обѣщающаго октроированную (урѣзанную) хартію безъ всякихъ исправленій... Французскій народъ долженъ протестовать противъ акта, нарушающаго его существенные интересы, и уничтожить его... Народъ, съ такимъ усиліемъ завоевавшій свои права, не былъ спрошенъ о формѣ правительства, подъ властью котораго онъ призванъ жить. Да, онъ не былъ спрошенъ, такъ какъ палата депутатовъ и палата перовъ, получившія свои полномочія отъ правительства Карла X, ниспровергнуты вмѣстѣ съ нимъ и, слѣдовательно, не могутъ представлять націи».

Но отъ словъ до дѣла было все же слишкомъ далеко. Наиболѣе опытные, хладнокровные республиканцы хорошо сознавали, что соціальной силы, силы массъ, за ними нѣтъ. Прокламаціи выражали всю глубину возмущенія лишь сознательной части пролетаріата и мелкаго мѣщанства. При этихъ условіяхъ борьба съ такимъ опытнымъ врагомъ, какъ буржуазія, успѣвшимъ уже смобилизовать національную гвардію изъ рядовъ осторожныхъ среднихъ и мелкихъ

буржуа, была слишкомъ трудна. Послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній республиканцы рѣшили уступить и примириться съ совершившимся фактомъ. «Мы уступили,—заявлялъ Кавеньякъ,—потому что у насъ не было силы. Трудно было внушить народу, сражавшемуся съ крикомъ «да здравствуетъ хартія», что первое, что онъ долженъ былъ сдѣлать послѣ побѣды, это вооружиться, чтобы разрушить эту самую хартію. Въ будущемъ это будетъ не такъ»...

А между тѣмъ, пока республиканцы волновались и не знали, на что имъ рѣшиться, депутаты поспѣшно приводили въ исполненіе задуманный ими планъ. Вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ они отправились въ ратушу, гдѣ Луи-Филиппъ думалъ въ первый разъ показаться «своему» народу. Страхъ депутатовъ былъ такъ великъ, что нѣкоторые изъ нихъ боялись, какъ бы ихъ не встрѣтили градомъ камней. Ходили даже слухи, что на герцога готовится покушеніе. Наконецъ, они добрались до ратуши, гдѣ собралось много республиканцевъ. Одинъ изъ нихъ, указывая рукою на площадь, покрытую вооруженною толпою, сказалъ герцогу: «вы знаете наши права; если вы ихъ забудете, мы вамъ напомнимъ». Когда вмѣстѣ съ Лафайэтомъ Луи-Филиппъ появился въ окнѣ ратуши, толпа привѣтствовала ихъ криками: «да здравствуетъ Лафайэтъ, да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!».

— *«Кончилась роль народа: царство буржуазіи началось»*.

V

Характеръ іюльскаго переворота

Смысль іюльской революціи 1830 года былъ ясенъ. Она навсегда ликвидировала остатки стараго феодальнаго строя, который еще разъ пыталось возстановить французское дворянство. Эта революція, какъ и революція 1789 года, была буржуазной, и буржуазія попрежнему играла въ ней роль наиболѣе сознательной и организованной силы. Правда, въ моменты непосредственной борьбы рѣшающая роль въ борьбѣ со старой властью принадлежала пролетаріату, но, въ сущности, онъ работалъ для средней и крупной буржуазіи. Какъ и мел-

кая буржуазія, онъ вышелъ изъ переворота лишеннымъ политическихъ правъ. Господствующіе классы сдѣлали все, чтобы оградить свои политическія права и экономическія преимущества. И не только пролетаріатъ и мелкая буржуазія, но даже затронутая идеями соціализма интеллигенція была отстранена отъ политической жизни: банкиры и промышленники окружали тронъ Луи-Филиппа, царство котораго было *царствомъ почти исключительно крупной буржуазіи.*

Самъ король являлся лишь первымъ, наиболѣе типичнымъ представителемъ этого класса. Биржевыя спекуляціи были для него дѣломъ не менѣе важнымъ, чѣмъ управленіе государствомъ. «Человѣкъ узкаго разсудка и житейской опытности, онъ съ годами превратился въ хитреца и довелъ расчетливость до скупости. Всѣ его качества напоминали въ немъ купца, начавшаго свою карьеру въ качествѣ мальчика и вышедшаго потомъ въ люди, нажившаго капиталъ. Подобно всѣмъ разбогатѣвшимъ буржуа, онъ гордился своимъ происхожденіемъ. Онъ былъ храбръ, но эта храбрость была холодная— слѣдствіе разсудочности, а не героизма. Добрый и заботливый отецъ семейства, онъ заботился о своей семьѣ, часто даже въ ущербъ государства... Такъ жила вся буржуазія. Все въ ней стало предметомъ торговли—честь, слава, добро»...

Таковъ былъ характеръ іюльскаго переворота. Оставалось закрѣпить полученныя преимущества въ формѣ юридическаго письменнаго акта. Это теперь и сдѣлала буржуазія.

Старая конституція давала преимущества землевладѣльческому классу, да и то лишь категоріи крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Теперь цензъ былъ пониженъ въ интересахъ средней буржузіи. По старой конституціи 1814 г. въ палату депутатовъ могъ быть избранъ всякій, имѣющій 40 лѣтъ отъ роду и платящій прямой налогъ въ тысячу франковъ; правомъ же избранія пользовались лица 30 лѣтъ, вносящія тотъ же налогъ въ размѣрѣ трехсотъ франковъ. По новой конституціи цензъ и лѣта для перваго случая были – 500 франковъ и 30 лѣтъ, для второго—200 франковъ и 25 лѣтъ. Такимъ образомъ, число избирателей значительно увеличилось, но исключительно изъ рядовъ средней буржуазіи. Въ царствованіе Карла X изъ 30 милліоновъ населенія избирателей было всего 80 тысячъ, послѣ

измѣненія ценза—225 тысячъ. Въ томъ же духѣ были измѣнены и остальныя статьи конституціи, на которую былъ наложенъ яркій отпечатокъ классовыхъ стремленій буржуазіи. Прежній король былъ «королемъ Божьей милостью». Новая династія взошла на престолъ не милостью Бога, а милостью и усиліями буржуазіи. Людовикъ XVIII заявлялъ въ введеніи къ данной имъ хартіи: «мы *добровольно* и въ силу свободнаго осуществленія нашей королевской власти *даровали* и даруемъ, уступили и уступаемъ конституціонную хартію».— Луи-Филиппъ говорилъ въ своей присягѣ на вѣрность конституціи. «передъ лицомъ Бога клянусь ненарушимо сохранять конституціонную хартію, царствовать лишь согласно законамъ и только силою законовъ». Вмѣстѣ съ этимъ статьи 15—21 старой конституціи были замѣнены новыми, въ силу которыхъ иниціатива законовъ *раздѣлялась* между *королемъ* и *палатой*.

Новый строй сталъ называться «іюльской монархіей», какъ результатъ іюльскихъ дней. По существу онъ мало чѣмъ отличался отъ прежняго строя: лишь на сцену политической жизни выступали новые политическіе дѣятели — представители капитала, господство которыхъ выразилось въ лишеніи политическихъ правъ большей части націи и въ безпощадномъ подавленіи рабочаго движенія.

Но съ этого момента тѣмъ ярче вырисовывается положеніе различныхъ общественныхъ силъ. Вмѣсто прежней путаницы отношеній выступаетъ теперь вполнѣ опредѣленная группировка по классовымъ интересамъ. Пролетаріатъ мало-по-малу начинаетъ выдѣляться въ самостоятельную партію, которая, вступая въ боевое соглашеніе съ радикальными элементами буржуазіи, все же не теряетъ своей классовой самостоятельности.

Прежде совмѣстная борьба съ остатками абсолютизма затушевывала до извѣстной степени остроту классовыхъ противорѣчій, вѣрнѣе говоря—мѣшала имъ рѣзко обнаружиться. Теперь пролетаріатъ вступаетъ на путь сознательной борьбы съ буржіазіей.

Крупная и наиболѣе состоятельная часть средней буржуазіи не желала дальнѣйшаго развитія революціи. Для пролетаріата вопросъ стоялъ иначе. Онъ поддерживалъ буржуазію въ ея борьбѣ съ сословными привилегіями, теперь онъ начинаетъ бороться съ самой буржуазіей за ***полное ниспроверженіе капиталистическаго строя и торжество соціализма.***

Съ этого времени начинаются тѣ кровавыя столкновенія труда и капитала, которыя, какъ вѣхи, стоятъ на пути человѣческаго развитія. Съ безпощадной жестокостью платитъ буржуазія за всѣ попытки пролетаріата стряхнуть съ своихъ плечъ тяжелое ярмо капитализма и политическаго безправія.

Эта борьба со стороны сознательнаго пролетаріата приняла прежде всего форму борьбы за *демократическую республику*.

Въ его среду все болѣе и болѣе проникаетъ сознаніе, что это есть форма политической жизни, наиболѣе соотвѣтствующая росту его классовой организаціи.

Въ іюльскіе дни пролетаріатъ былъ побѣжденъ: его классовая организація была слишкомъ слаба, сознаніе невысоко развито, къ тому же онъ былъ почти совершенно изолированъ въ борьбѣ за дальнѣйшее развитіе революціи.

Счастливѣй въ этомъ отношеніи оказался 1848 годъ. Въ февральскіе дни у пролетаріата былъ *временный* политическій союзникъ—мелкая буржуазія, которой такъ же, какъ и ему, іюльская монархія ничего не дала. *Временный*,—потому что позднѣе, когда въ іюньскіе дни пролетаріатъ впервые попытался осуществить соціальную революцію, она вмѣстѣ съ крупной и средней буржуазіей омыла его кровью улицы Парижа. Соединеніе силъ мелкой буржуазіи и пролетаріата въ февралѣ 1848 года дало возможность произвести болѣе глубокій, демократическій переворотъ.

VI

Пролетаріатъ въ дни іюльской монархіи

Іюльская монархія, опираясь на крайне незначительный по количеству классъ—крупную финансовую буржуазію, не замедлила обнаружить всю свою несостоятельность. Нельзя было долго управлять страной, не опираясь на болѣе или менѣе широкіе слои націи. Къ тому же ростъ промышленности и все хозяйственное развитіе страны произвели замѣтное разслоеніе и въ средѣ самой буржуазіи, этой

основѣ іюльской монархіи. Борьба средней и мелкой буржуазіи съ финансовой аристократіей составляетъ теперь дальнѣйшее содержаніе исторіи Франціи. Научныя открытія и изобрѣтенія, давшія огромный толчокъ развитію крупной промышленности, еще болѣе способствовали разслоенію буржуазіи.

Средняя и мелкая промышленность быстро вытѣсняются крупнымъ капиталомъ, захватывающимъ все большія и большія отрасли труда. Мелкая буржуазія постепенно разоряется и переходитъ въ ряды пролетаріевъ. Она ненавидитъ теперь крупныхъ капиталистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и режимъ, защищающій ихъ интересы.

Тяжелое экономическое положеніе мелкой буржуазіи еще болѣе обострялось ея полнымъ политическимъ безправіемъ. Она была лишена избирательныхъ правъ и, такимъ образомъ, совершенно устранена отъ участія въ политической жизни страны. Крупный капиталъ и здѣсь господствовалъ безконтрольно и всей политикѣ правительства придавалъ узко-классовой характеръ. Финансовые расходы государства тяжелымъ гнетомъ ложились на плечи почти исключительно необезпеченныхъ классовъ. Весь финансовый механизмъ іюльской монархіи былъ устроенъ такъ, что на долю богатыхъ классовъ приходилась самая ничтожная часть всякихъ повинностей, тогда какъ неимущіе, лишенные всякихъ политическихъ правъ, принуждены были на послѣднія средства поддерживать ненавистный имъ режимъ. Въ области соціальной и торговой политики было то же самое. Протекціонная система, увеличивая богатство и силу буржуазіи, отзывалась крайне тяжело на положеніи массъ. Такимъ образомъ, средняя и мелкая буржуазія неизбѣжно переходили въ ряды оппозиціи и подрывали прочность іюльской монархіи.

Еще болѣе ужасное состояніе испытывалъ пролетаріатъ: къ полному политическому безправію здѣсь присоединялась еще безпощадная эксплуатація.

Несмотря на развитіе промышленности, положеніе пролетаріата временъ іюльской монархіи было крайне тяжелое. Французская промышленность какъ разъ переживала въ то время стадію «первоначальнаго накопленія», неразрывно связанную съ нравственнымъ и физическимъ угнетеніемъ рабочаго класса. Къ тому же буржуазное правительство Луи-Филиппа менѣе всего думало о разрѣшеніи «со-

ціальнаго вопроса». Всюду царила эксплуатація, не сдерживаемая никакимъ закономъ; нищета и безработица возрастали.

Продолжительность рабочаго дня на большихъ фабрикахъ и заводахъ достигала 15-ти часовъ, мелкіе же ремесленники, работающіе на дому, работали до 17-ти часовъ. Во всемъ департаментѣ Нижней Сены рабочій день продолжался 14 часовъ, прибавляя сюда 2 часа для завтрака и обѣда и столько же для дороги изъ фабрики домой и обратно. Рудокопы, напримѣръ, начиная съ 1830 и по 1848 годъ, работали 14 часовъ ежедневно. Въ противоположность продолжительному рабочему дню заработная плата, наоборотъ, была крайне низка.

Въ мелкой промышленности эксплуатація достигала гораздо большихъ размѣровъ. Въ Меллѣ золотыхъ дѣлъ мастера получали въ день $2^1/_2$ франка, корсетницы—1 франкъ. То же было и въ другихъ городахъ съ уцѣлѣвшею мелкой промышленностью, не исключая Парижа. Въ Парижѣ сапожники получали 2 фр. 75 сант., не работая 3 мѣсяца въ году; часовыхъ дѣлъ мастера—4 фр., не работая въ теченіе 4 мѣсяцевъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ нищета достигала громадныхъ размѣровъ. Въ 1843 году почти $^1/_{10}$ часть населенія Парижа офиціально считалась получающей пособіе. Въ общемъ, въ 1843 году общее число нуждающихся во Франціи достигало 1.120.961 человѣкъ, что составляло одинъ на 29 человѣкъ населенія Франціи.

Положеніе рабочихъ было прямо ужасно. Цѣлыми семействами они ютились въ грязныхъ, зараженныхъ улицахъ. Въ семьяхъ этихъ «бѣлыхъ негровъ» дѣти рѣдко достигали 15-тимѣсячнаго возраста. На 10 тысячъ молодыхъ людей, являющихся для отбыванія воинской повинности, нѣкоторые—наиболѣе промышленные департаменты давали 8980 негодныхъ къ службѣ. Пьянство, дѣтоубійство, преступленія возрастали съ невѣроятной быстротой. Число незаконнорожденныхъ въ 1838 году достигло 140.000 человѣкъ.

На почвѣ этой-то нужды вырастали стихійныя движенія рабочихъ и создавалась та возбужденная атмосфера, которой было охвачено французское общество въ послѣдніе годы монархіи. Экономисты, поэты, беллетристы—всѣ, такъ или иначе, касались рабочаго вопроса. «Достаточно было — писалъ Бакунинъ — пожить въ Парижѣ наканунѣ

февральской революціи нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы изъ либерала сразу превратиться въ соціалиста».

Страдая экономически, пролетаріатъ теперь еще болѣе, чѣмъ во времена реставраціи, чувствовалъ свое политическое безправіе и готовъ былъ ринуться въ новую борьбу вмѣстѣ съ средней и мелкой буржуазіей.

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что всѣ эти условія придавали неспокойный, лихорадочный характеръ правленію Луи-Филиппа и постепенно подкапывали фундаментъ іюльской монархіи. Часто вспыхивали голодные крестьянскіе бунты; мѣстами волновались рабочіе и дѣло нерѣдко доходило до серьезныхъ столкновеній съ войсками. Все это подготовляло февральскіе дни.

Изъ возстаній іюльской монархіи особенно выдѣляется своей грандіозностью возстаніе ліонскихъ ткачей. Оно особенно ярко подчеркнуло существующій классовой антагонизмъ и оказало значительное вліяніе на дальнѣйшій характеръ рабочаго и республиканскаго движенія: 1831 годъ играетъ не меньшую роль въ исторіи французскаго соціализма, чѣмъ 1840 и 1871 гг.

Ліонъ игралъ роль одного изъ самыхъ крупныхъ промышленныхъ и населенныхъ центровъ страны. Главнымъ видомъ промышленности было здѣсь производство шелка, занимавшее огромное количество рабочихъ рукъ—въ 30—40 тысячъ. Промышленность Ліона какъ разъ переживала переходный періодъ: мѣсто прежняго кустарнаго производства занимала нарождающаяся крупная мануфактура. Здѣсь царила двойная эксплуатація: между предпринимателемъ-фабрикантомъ и рабочимъ стоялъ классъ посредниковъ-мастеровъ, владѣльцевъ ткацкихъ станковъ. Фабрикантъ эксплуатировалъ мастера, сдавая ему сырой матеріалъ, а послѣдній дѣлалъ то же самое съ рабочимъ, заставляя его работать на своемъ станкѣ. Пока промышленность процвѣтала и работы было достаточно, ткачи мирились съ своимъ жалкимъ положеніемъ. Въ 20-хъ годахъ, подъ вліяніемъ англійской конкуренціи и постоянныхъ политическихъ броженій, произошелъ кризисъ, до невѣроятно низкихъ размѣровъ понизившій заработную плату: съ 4—6 франковъ она упала въ 1831 г., въ годъ возстанія, до 90 сантимовъ (40—45 коп.) за 18-тичасовой рабочій день. Положеніе ухудшалось, надвигалась страшная нужда, все болѣе и болѣе

обострявшая отношенія между фабрикантами съ одной стороны, мастерами и рабочими съ другой. Столкновеніе, казалось, надвигалось неумолимо, съ роковой неизбѣжностью. Особенно страдали ткачи, населявшіе гористую часть города, т. п., «Красный Крестъ». Подъ вліяніемъ общихъ страданій и нужды среди ткачей быстро окрѣпло чувство солидарности и сознаніе общности интересовъ. Былъ образованъ «Союзъ Взаимопомощи» съ цѣлью взаимной поддержки рабочихъ. Фабриканты сдѣлали то-же и создали «союзъ фабрикантовъ». Такимъ образомъ, возникли двѣ классовыя враждебныя организаціи, выросшія на почвѣ исключительно экономическихъ интересовъ. Между ними и вспыхнула борьба, составившая одно изъ крупнѣйшихъ событій іюльской монархіи. Борьба была не нова: въ Ліонѣ и прежде вспыхивали кровавыя столкновенія по поводу заработной платы.

Въ 1831 году, въ октябрѣ, организація рабочихъ рѣшила установить минимумъ заработной платы, но встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны фабрикантовъ. Послѣдніе не хотѣли подчиняться никакимъ постановленіямъ, считая ихъ насиліемъ надъ свободой промышленности. Недовольные ткачи устроили въ ноябрѣ мирную грандіозную демонстрацію, которая заставила капиталистовъ пойти на уступки и согласиться выбрать смѣшанную комиссію, на которую была возложена обязанность выработать норму заработной платы. Но нѣкоторые изъ фабрикантовъ отказались ей подчиниться и закрыли свои производства. «Рабочіе—говорили они—избаловались; для излишка ихъ потребностей нужна большая заработная плата». «Если у нихъ нѣтъ въ брюхѣ хлѣба,—цинично замѣчали другіе—мы набьемъ его свинцомъ».

Рабочіе отвѣтили на этотъ вызовъ всеобщей забастовкой. Тысячи измученныхъ ткачей бросили свою работу и толпами спустились изъ предмѣстій въ центръ города. Первый день прошелъ спокойно. Лишь 21-го ноября началось возстаніе. Вооруженные ружьями, палками ткачи двинулись въ Ліонъ, неся впереди черное знамя съ надписью: *«жить работая или умереть сражаясь!»* Сопротивленіе національной гвардіи и немногочисленнаго гарнизона было сломлено и городъ быстро покрылся цѣпью баррикадъ. Малочисленность войскъ, ихъ нерѣшительное поведеніе заставили главнокомандующаго оста-

вить городъ въ рукахъ возставшихъ. Медленно, съ трудомъ, покрывая свой путь сотнями убитыхъ и раненыхъ, пробирались солдаты за городъ сквозь цѣпь баррикадъ, разрушая ихъ пушечными выстрѣлами. Въ городѣ было образовано нѣчто въ родѣ временнаго правительства и рабочіе сами поддерживали порядокъ въ городѣ, въ корнѣ подавивъ всякія попытки къ грабежамъ и разбоямъ. Но рабочіе сами не знали, какъ использовать имъ одержанную побѣду. Никакой крѣпкой политической организаціи въ ихъ средѣ не существовало, опредѣленныхъ соціальныхъ идеаловъ, ради осуществленія которыхъ они могли бы бороться дальше, тоже не было. Попытка нѣкоторыхъ республиканцевъ придать движенію характеръ политическій и, такимъ образомъ, дать сигналъ къ всеобщему вооруженному возстанію во Франціи съ самаго начала не встрѣтила сочувствія въ широкой массѣ. Въ концѣ концовъ, городъ, обложенный со всѣхъ сторонъ войсками, принужденъ былъ добровольно сдаться. Движеніе было, такимъ образомъ, подавлено, принудительный тарифъ уничтоженъ, самый же соціальный вопросъ остался не разрѣшеннымъ, а лишь былъ отодвинутъ до будущаго. Рабочіе на время затихли, готовые снова во всякій удобный моментъ подняться на защиту своихъ правъ. Ліонское возстаніе явилось какъ бы сигналомъ къ массовой экономической борьбѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, ткачи опять возстаютъ, но теперь вмѣстѣ съ экономическими выставляютъ и политическія требованія: за этотъ промежутокъ времени пропаганда республиканскихъ идей успѣла глубоко пустить корни среди проснувшихся рабочихъ массъ.

Ліонское возстаніе оставило глубокій слѣдъ и въ жизни ткачей, и въ жизни всего французскаго общества. Для первыхъ оно послужило началомъ крѣпкой организаціи для болѣе упорной борьбы съ капиталомъ и правительствомъ; въ общественной жизни Франціи оно впервые выдвинуло и поставило на видное мѣсто *рабочій вопросъ*.

Но не вся Франція одинаково отозвалась на это бурное движеніе. Въ средѣ соціалистовъ оно возбудило энергію и надежды, правящіе классы почувствовали за этимъ стихійнымъ движеніемъ дыханіе соціализма. Депутаты, оппозиціонные къ правительству, быстро подвинулись вправо и поспѣшили заявить, что у нихъ нѣтъ ничего

общаго съ ліонскими инсургентами. Почти единогласно палата приняла адресъ королю, гдѣ говорила, что правительство сумѣетъ подавить «анархію» и водворить «порядокъ». «Мы спѣшимъ выразить вашему величеству—писали они—единодушное желаніе депутатовъ Франціи, чтобы правительство противопоставило этимъ печальнымъ эксцессамъ всю силу законовъ. Личная безопасность подверглась жестокому нападенію; собственность была угрожаема въ самомъ своемъ принципѣ; свободѣ промышленности грозило уничтоженіе. Голоса власти не хотѣли слушать; нужно, чтобы эти безпорядки прекратились какъ можно скорѣе; нужно, чтобы подобныя покушенія энергично подавлялись. Мѣры, принятыя правительствомъ вашего величества, вселяютъ въ насъ увѣренность, что возстановленіе порядка не заставитъ себя долго ждать. Ваше величество можетъ разсчитывать на гармонію властей. Мы счастливы, государь, что отъ имени Франціи можемъ предложить вамъ содѣйствіе ея депутатовъ, чтобы возстановить повсюду миръ, гдѣ бы онъ не былъ нарушенъ, подавлять всѣ проявленія анархіи, укрѣплять священные принципы, на коихъ основывается самое существованіе націи, поддерживать славное дѣло іюльской революціи и вездѣ обезпечить за закономъ подобающую ему силу!» Таковъ былъ адресъ депутатовъ-буржуа, въ которомъ «всѣ добрые граждане», всѣ «честные люди» Франціи сходились въ одномъ—подавлять съ безпощаднымъ вандализмомъ всѣ шаги пролетаріата «къ свободѣ и счастью».

VII

Республиканскія партіи

Только весьма незначительная часть Франціи—крупная финансовая буржуазія—могла быть довольна установившимся режимомъ и желала его сохраненія. Напротивъ,—среди широкихъ слоевъ населенія быстро накоплялись и росли чувства недовольства и протеста, а республиканскія идеи все глубже и шире проникали въ народныя массы. Въ республиканскія общества и партіи входили лица, крайне разнообразныя по своему соціальному составу: средняя и мелкая буржуазія,

пролетаріатъ, студенты, представители всевозможныхъ интеллигентныхъ профессій—врачи, адвокаты, профессора.

Республиканская партія имѣла свою долгую исторію. Постепенно, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда политическихъ событій, она измѣняла свой соціальный составъ, тактику и рамки политической и соціальной программы. Вначалѣ преобладающуюся роль въ ней играла мелкая буржуазія. Ліонское возстаніе выдвинуло пролетаріатъ какъ грозную, пробуждающуюся силу, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ программахъ республиканскихъ обществъ все чаще и чаще встрѣчаются требованія соціальнаго характера. Особенно рѣзко замѣчается эта эволюція въ заявленіяхъ тайныхъ обществъ, выступившихъ на сцену политической жизни тогдашней Франціи.

Общество «Друзей Народа», сорганизовавшееся еще въ самый разгаръ іюльской революціи, заявляло, что оно отрицательно относится къ эксплуатаціи рабочихъ капиталомъ и будетъ добиваться «организаціи труда». Но оно не оспаривало принципа частой собственности и стремилось лишь къ тому, чтобы распредѣлить богатства между наибольшимъ количествомъ населенія.

Возникшее позднѣе его общество «Правъ Человѣка» шло уже гораздо дальше въ своихъ соціальныхъ требованіяхъ. «Мы—заявляло оно въ своей газетѣ «Трибуна»—имѣемъ въ виду гораздо менѣе перемѣну политическую, чѣмъ соціальное переустройство». «Природа—писалъ одинъ публицистъ, членъ этого общества—создала всѣхъ людей равными и общество должно осуществить это предписаніе природы... Ему принадлежатъ всѣ матеріальныя блага, причемъ каждое частное лицо является лишь хранителемъ части національнаго богатства. Необходимо достигнуть такого общественнаго строя, при которомъ не было бы ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ибо первые покупаютъ, а вторые продаютъ свободу»...

Постепенно происходитъ разслоеніе и въ средѣ самаго общества. Мало-по-малу пролетаріатъ *начинаетъ выдѣляться изъ мелкобуржуазной среды* и группироваться въ отдѣльныя рабочія и соціалистическія партіи въ то время, какъ часть его все еще остается въ рядахъ радикальной демократіи.

Во второй періодъ іюльской монархіи—съ 1840 г. по 1848 г.—это разслоеніе общества дѣлается особенно замѣтнымъ. Теперь вся

оппозиція разбивается на отдѣльныя фракціи, сообразно различнымъ теченіямъ политической и соціалистической мысли.

Умѣренные республиканцы—либералы, состоящіе по преимуществу изъ слоевъ *средней буржуазіи* и людей интеллигентныхъ профессій, группируются около газеты «National», редакторы которой Арманъ Каррель и Марастъ были лучшими выразителями идей этой партіи.

Единственный путь, который признавала газета въ борьбѣ съ правительствомъ, былъ путь законной мирной борьбы. «Мирные пути—писалъ «National»—единственные въ настоящее время, которые способствуютъ успѣхамъ нашихъ идей. Мы не допускаемъ и никогда не допустимъ права возстанія противъ воли большинства». Широкое ознакомленіе общества со своими идеями, обличеніе всѣхъ отрицательныхъ сторонъ и недостатковъ режима, основаннаго на высокомъ имущественномъ цензѣ, борьба за избирательную реформу въ пользу ея расширенія—такова была задача, которую эта партія считала очередной и возможной. «У людей,—писалъ Каррель—вышедшихъ въ іюлѣ съ оружіемъ въ рукахъ для защиты свободы, не спрашивали, платятъ ли они 200 франковъ налога. Они, очевидно, были достаточно зрѣлы, чтобы замѣнить одного монарха другимъ, и странно теперь слышать, что тѣ же люди недостойны быть избирателями въ законодательномъ собраніи».

Что касается тактики партіи, то она, будучи такъ же мирной, какъ и тактика «National'я», отличалась отъ нея большей радикальностью по отношенію къ существующему режиму. «National» хотѣлъ принимать участіе въ текущей политикѣ, въ парламентской и избирательной дѣятельности, вмѣшиваться въ борьбу партій и поддерживать кандидатовъ либеральной оппозиціи. «Реформа»—органъ радикаловъ-демократовъ—отвергала всякіе компромиссы и ставила своей задачей—пропаганду своихъ идей среди населенія.

Первая газета склонялась больше къ буржуазіи, «Реформа» тѣснѣе сблизилась съ рабочимъ классомъ, который постепенно покидалъ ряды мелкой буржуазіи и начиналъ группироваться вокругъ своихъ собственныхъ вождей. Въ то же время и тактика партіи рѣзко измѣняется по сравненію съ тактикой первой половины іюльской монархіи. Тайныя общества «Временъ Года», «Друзей Народа», «Правъ

Гражданина» начинаютъ все болѣе и болѣе разочаровываться въ цѣлесообразности прежнихъ пріемовъ борьбы—заговоровъ и вооруженныхъ возстаній съ цѣлью захвата политической власти. Всѣ эти возстанія, несмотря иногда на грозные размѣры и серьезный характеръ, все же не достигали поставленныхъ цѣлей. Общество, массы, политически еще малосознательныя и невоспитанныя, не могли активно поддержать революціонеровъ, полныхъ энтузіазма и горячей любви къ свободѣ. Съ 1840 года революціонеры, ослабленные репрессіями и пораженіями, замѣняютъ прежнюю бунтарскую тактику легальной борьбой въ рамкахъ существующаго строя. Это однако еще не значило, что они въ принципѣ отрицали прежніе методы борьбы. Право возстанія противъ незаконной или тиранической власти они признавали всегда; мечта—свергнуть монархію и замѣнить ее верховной властью народа—не покидала ихъ; о павшихъ и томившихся въ неволѣ борцахъ вспоминали они съ любовью и уваженіемъ; ихъ страданія, идеалы и завѣты великой любви къ человѣчеству—яркимъ пламенемъ горѣли въ сердцахъ оставшихся на свободѣ республиканцевъ.

Въ области соціальныхъ вопросовъ сотрудники и друзья «National'я» не отличались широтой своихъ требованій. Самъ Каррель заботливо вычеркивалъ изъ своей газеты страшное слово «пролетарій» и всѣми силами своего публицистическаго таланта боролся противъ всякаго рода «коммунистическихъ тенденцій». Впрочемъ, сотрудники „National'я" признавали фактъ тяжелаго положенія пролетаріата, требовали для него всевозможныхъ реформъ, но *были враждебны коренным измѣненіямъ экономическихъ отношеній.* «Освобожденный юридически—писали они—рабочій въ сущности порабощенъ больше, чѣмъ когда-либо. Вмѣсто закона его порабощаетъ голодъ, ибо какое можетъ быть равенство между рабочимъ, принужденнымъ ради насущнаго хлѣба браться за предлагаемую ему работу на поставленныхъ условіяхъ, и капиталистомъ, который можетъ выжидать, пока голодъ отдастъ ему въ руки жертву?.. Въ то время, какъ земельная собственность демократизуется каждый день путемъ дробленія, промышленный капиталъ концентрируется, монополизуется и стремится установить настоящее феодальное могущество». Въ ожиданіи свободнаго режима въ качествѣ практическихъ требованій они

выставляли свободу союзовъ и третейскій судъ, составленный изъ равнаго числа делегатовъ отъ хозяевъ и рабочихъ.

Сила этой партіи значительно ослабла послѣ ліонскаго возстанія. Уже раньше многіе изъ республиканцевъ были недовольны крайней умѣренностью соціальной программы «National'я». Ліонское возстаніе показало грозную силу пролетаріата и мелкая буржуазія поспѣшила заключить съ нимъ союзъ и пополнить свои, порѣдѣвшіе отъ частыхъ возстаній кадры. Но для этого необходимо было расширить рамки соціальныхъ требованій. Новая, отколовшаяся, *республиканско-демократическая* партія была *болѣе радикальна въ своихъ политическихъ и соціальныхъ* требованіяхъ. Сторонники «National'я» требовали лишь уничтоженія королевской власти и предоставленія всему народу избирательнаго права,—демократы-республиканцы расширяли ихъ программу, внося туда пунктъ о болѣе правильномъ распредѣленіи налоговъ и облегченіи участи трудящихся массъ путемъ болѣе существенныхъ соціальныхъ реформъ. «Рабочій—писали они—поставленъ теперь въ зависимость отъ частнаго капитала; необходимо, чтобы явилось государство съ своими болѣе могучими рессурсами и поставило ихъ между рабочимъ и частнымъ капиталомъ. Въ 1789 году была національзирована земля; теперь мы утверждаемъ, что въ виду промышленнаго развитія необходима національзація кредита такъ же какъ раньше земли, захваченнаго въ свои руки богачами и привилегированными». Однако и у этой партіи, *объединявшей мелкую радикальную буржуазію* и *пролетаріатъ*, не было вполнѣ опредѣленной соціалистической программы. Она требовала вмѣшательства государства, поощряла свободныя рабочія ассоціаціи, *но оставляла неприкосновеннымъ право частной собственности*. Соціализмъ ея былъ—*мелко-буржуазнымъ* соціализмомъ, идеаломъ котораго было—распредѣленіе благъ по возможности между большимъ количествомъ гражданъ съ сохраненіемъ *мелкой* частной собственности.

Наиболѣе типичнымъ и яркимъ представителемъ радикально-демократической партіи былъ Ледрю-Ролленъ, ея лучшій ораторъ и пылкій вождь. «Для насъ, господа,—сказалъ онъ на одномъ банкетѣ, подчеркивая принципъ самодѣятельности массъ въ политической борьбѣ—*народъ—все. Итти путемъ разрѣшенія политиче-*

скаго вопроса къ соціальнымъ улучшеніямъ—такова задача, характеризующая радикальную партію передъ лицомъ другихъ партій!» «Я пью за рабочихъ—говорилъ онъ на банкетѣ въ Лиллѣ,—за ихъ неотъемлемыя права, за ихъ священные интересы, до сихъ поръ остающіеся неудовлетворенными. Рядомъ съ прекрасными машинными издѣліями, съ роскошными дворцами и отелями мы встрѣчаемъ непроходимую нищету, вынужденную проституцію и вызванныя одной лишь бѣдностью болѣзни. Въ такомъ положеніи находится большая часть борцовъ іюльскихъ дней. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Такое бѣдственное положеніе не можетъ быть необходимостью, какъ то утверждаютъ нѣкоторые фаталисты». Подобно другому вождю партіи Гофруа Кавеньяку, онъ также отрицательно относился къ коммунистамъ и соціалистамъ. «Я ненавижу соціалистовъ и коммунистовъ!» — воскликнулъ онъ въ одномъ процессѣ. Соціализмъ его былъ тотъ же мелко-буржуазный, мѣщанскій соціализмъ радикальной демократіи.

VIII

Соціализмъ и соціалистическія партіи

Среди пролетаріата временъ іюльской монархіи господствовали три соціалистическія партіи, связанныя съ именами Луи Блана, Прудона и Бланки.

Ростъ промышленности, а слѣдовательно и болѣе высокая степень классового самосознанія пролетаріата въ значительной степени повліяли на характеръ новыхъ соціалистическихъ ученій. У соціалистовъ февральскихъ дней былъ богатый опытъ пролетарскихъ движеній, дающій обширный матеріалъ для работы соціалистической мысли.

Это дало имъ возможность сдѣлать громадный шагъ впередъ по сравненію съ соціализмомъ Фурье и Сенъ-Симона.

Изъ соціалистическихъ идей того времени взгляды Луи Блана пользовались наибольшимъ распространеніемъ и извѣстностью въ рабочей средѣ. Его книга «Организація труда» была извѣстна всѣмъ

передовымъ рабочимъ. Этотъ лозунгъ — *организація труда*—и объединялъ пролетарскія массы въ знаменитые іюньскіе дни.

Луи Бланъ начинаетъ страницы своей книги рѣзкой критикой царящаго въ буржуазномъ обществѣ закона конкуренціи, который одинаково пагубно отзывается на положеніи и капиталиста, и рабочаго. «Буржуазія—пишетъ онъ—утвердила свое господство на конкуренціи, этомъ тираническомъ законѣ; и вотъ теперь сама буржуазія гибнетъ отъ этой конкуренціи... Въ этой отвратительной системѣ безпрерывной борьбы средняя промышленность пожрала мелкую. Но это была Пиррова побѣда! Въ свою очередь средняя промышленность пожирается крупною. Такимъ образомъ, конкуренція является причиной разоренія для самаго правящаго класса!.. Конкуренція толкаетъ фабрикантовъ ко все большему расширенію производства. Путаница, создаваемая всеобщимъ антагонизмомъ, мѣшаетъ отдѣльному производителю знать точное состояніе рынка. Даже тѣ изъ нихъ, которые работаютъ въ убытокъ, продолжаютъ производить, такъ какъ они не желаютъ потерять стоимость своихъ машинъ, орудій производства и сырыхъ матеріаловъ... Систематическое пониженіе заработной платы—таковъ неизбѣжный результатъ неограниченной конкуренціи. Такимъ образомъ, конкуренція представляетъ особый промышленный пріемъ, съ помощью котораго рабочіе принуждаются взаимно истреблять другъ друга» ... Слѣдствіемъ всего этого являются—нищета, бѣдность, разложеніе семьи, вырожденіе всей расы. „*Такое общество*—говоритъ Луи Бланъ—*чревато гражданской войной*“.

Единственный выходъ изъ этого тяжелаго положенія – *организація труда на основахъ ассоціаціи*. Но отправнымъ пунктомъ своихъ преобразованій Луи Бланъ беретъ существующее общество и думаетъ путемъ мирныхъ преобразованій установить гармонію интересовъ. «Эта столь необходимая революція легко можетъ быть осуществлена—говоритъ онъ—совершенно мирнымъ путемъ». Въ то же время Луи Бланъ выдвигаетъ необходимость захвата политической власти для экономическихъ преобразованій, считая одну лишь соціальную реформу дѣломъ совершенно безплоднымъ. «Овладѣйте властью, если вы не хотите быть раздавленными. Сдѣлайте изъ нея орудіе, если вы не хотите столкнуться съ нею, какъ съ препятствіемъ. Освобожденіе пролетаріата составляетъ столь сложное дѣло,

задѣвающее столько предразсудковъ и интересовъ, что оно не можетъ быть осуществлено частичными усиліями и изолированными попытками. Здѣсь слѣдуетъ пустить въ ходъ всю энергію государства».

Но этотъ захватъ власти не есть диктатура пролетаріата, какъ она понимается въ настоящее время, а правленіе лучшихъ членовъ націи, сумѣвшихъ встать выше классовыхъ интересовъ. Такимъ образомъ, Луи Бланъ разсчитывалъ не на побѣду пролетаріата, а на побѣду и силу разума, подъ вліяніемъ котораго наиболѣе интеллигентная и благородная часть состоятельныхъ классовъ убѣдилась бы въ необходимости соціализма, какъ въ силу этическаго начала, такъ и въ виду чисто практическихъ интересовъ: вѣдь она не менѣе пролетаріата страдаетъ отъ кризисовъ, конкуренціи и другихъ отрицательныхъ сторонъ капитализма. Въ противоположность Бланки и современному соціализму, онъ не хотѣлъ, чтобы пролетаріатъ въ борьбѣ съ буржуазіей прибѣгалъ къ революціоннымъ средствамъ.

На ряду съ крупными капиталистическими предпріятіями государство, по его мнѣнію, должно организовать и поддерживать рабочія ассоціаціи, прибыль которыхъ отъ предпріятій будетъ дѣлиться на три части: первая будетъ раздѣлена поровну между всѣми; вторая пойдетъ на призрѣніе старцевъ и немощныхъ; третья — на покупку новыхъ инструментовъ для расширенія производства ассоціаціи. Причемъ, членами ассоціаціи считаются не только рабочіе, но и капиталисты, вложившіе въ нихъ свои капиталы и получающіе опредѣленный процентъ. Начавшаяся съ открытіемъ ассоціаціи борьба между соціализированной и вольной капиталистической промышленностью кончится, въ концѣ концовъ — думаетъ Луи Бланъ—побѣдою ассоціаціи. Ассоціаціи постепенно подорвутъ всѣ основы капиталистическаго строя.

Таковъ характеръ ученія Луи Блана. Почти нигдѣ онъ не затрагивалъ главной основы буржуазнаго общества—частной собственности и думалъ, что серьезность и величіе соціальной задачи толкнетъ правящіе классы на путь добровольнаго отреченія. И вся дѣятельность Луи-Блана въ составѣ временнаго правительства сводилась къ уступкамъ, компромиссамъ и соглашеніямъ съ буржуазіей. Тактика Луи Блана была столь же ошибочна и вредна для классоваго самосознанія пролетаріата, какъ и его утопическія убѣжденія. Нужны были кро-

вавые дни іюня, чтобы мечтанія утопистовъ о «добрыхъ свойствахъ человѣческой души» замѣнились здравыми понятіями о силѣ классоваго антагонизма.

Прудонъ былъ наиболѣе талантливымъ и яркимъ выразителемъ смутныхъ стремленій мелкой буржуазіи. Съ поразительной рельефностью онъ отразилъ въ себѣ всѣ присущія ей свойства. Онъ мечталъ не о коренномъ переворотѣ въ обществѣ, а о возможности примиренія буржуазіи и пролетаріата, о раствореніи общества въ среднемъ, обезпеченномъ классѣ.

На ученіе Прудона въ значительной степени повліяло сліяніе въ тайныхъ республиканскихъ обществахъ мелкой буржуазіи и пролетаріата. Мелкіе буржуа, хотя и революціонно настроенные и экономически угнетенные, все же были враждебны соціализму и цѣликомъ проникнуты консервативной психологіей мелкаго собственника. Между тѣмъ, вся обстановка общественной жизни толкала пролетаріатъ къ сліянію съ революціонными слоями мелкой буржуазіи. Послѣдней нужны были кадры смѣлыхъ, стойкихъ борцовъ, пролетаріату же нехватало руководителей. На почвѣ этой-то взаимной нужды и создавались радикально-соціалистическія партіи, соціализмъ которыхъ являлся результатомъ компромисса и носилъ половинчатый, мелкобуржуазный характеръ.

Задачей пролетаріата Прудонъ считалъ не уничтоженіе товарнаго производства и замѣну его общественнымъ, но образованіе новаго типа товарнаго производства, которое, исключая деньги и посредничество, положитъ конецъ капиталистической прибыли.

По его мнѣнію, освобожденіе рабочаго класса должно быть не дѣломъ центральной государственной власти, какъ то думалъ Луи Бланъ, а должно совершиться мирно, путемъ экономическихъ требованій: «я—писалъ онъ Марксу—того мнѣнія, что революція не нужна для успѣха нашего дѣла и вслѣдствіе этого мы не должны выставлять революціонные акты, какъ средство реформы, потому что это мнимое средство есть не что иное, какъ призывъ къ силѣ, къ произволу. Я ставлю себѣ задачей возвратить обществу при помощи экономической комбинаціи богатства, которыя у него отнимаютъ съ помощью другой комбинаціи». Нахожденіе такихъ «комбинацій» и составляло главную задачу Прудона.

Онъ рекомендуетъ рабочимъ устраивать кассы страхованія, товарищества, банки для обмѣна и, не ограничиваясь этимъ, самъ дѣлаетъ попытку устроить народный банкъ (Banque de peuple).

Видя корень эксплуатаціи рабочаго въ несправедливой заработной платѣ, по которой рабочій получаетъ гораздо меньше того, что онъ въ дѣйствительности зарабатываетъ, Прудонъ пытается ввести, такъ называемую, «натуральную» цѣну при помощи народнаго банка. Въ силу капиталистическихъ отношеній рабочій платитъ за покупаемый имъ товаръ гораздо больше, чѣмъ получаетъ самъ за него въ качествѣ товаропроизводителя. Банкъ и пытается уничтожить это, вводя новыя основанія для обращенія цѣнностей. Въ обмѣнъ на продукты своего труда, сданные въ банкъ, каждый получаетъ изъ него особыя мѣновыя свидѣтельства (боны). Сапожникъ—напримѣръ—получаетъ за свои сапоги ихъ стоимость въ видѣ билетовъ, на которые можетъ взять другія, нужныя ему вещи. Назначая цѣну, производители должны отказаться отъ всякой прибыли и имѣть въ виду лишь рабочее время, необходимое для производства товара, и трату на средства производства. Банкъ со временемъ будетъ привлекать все больше и больше членовъ и возможно, что всѣ производители и потребители примкнутъ къ банку. Тогда потребленіе денегъ сдѣлается совершенно ненужнымъ: всѣ онѣ будутъ замѣнены билетами банка. Помимо того, банкъ будетъ выдавать своимъ кліентамъ ссуды безъ всякихъ процентовъ.

Въ 1849 году Прудонъ сдѣлалъ первый опытъ примѣненія своей теоріи на практикѣ. Въ Парижѣ былъ устроенъ такой именно банкъ. Число участниковъ его быстро возросло до 12.000, а размѣры капиталовъ до 36.000 франковъ. Но вслѣдствіе ареста Прудона дѣло быстро пошло къ упадку и банкъ—послѣ двухъ мѣсяцевъ своей дѣятельности—былъ закрытъ.

Прудонъ не сорганизовалъ политической рабочей партіи. Большинство пролетаріата примыкало къ соціалисту Луи Блану или коммунисту Кабэ.

Гораздо глубже проникъ въ среду парижскихъ рабочихъ коммунизмъ Кабэ. Его книга «Путешествіе въ Икарію» такъ же, какъ и «Организація труда», охотно читалась пролетаріатомъ того времени. Въ этой книгѣ, написанной въ формѣ соціально-утопическаго романа,

онъ излагаетъ доктрину своего коммунизма. «Икарійцы — обитатели острова Икаріи — не признаютъ ни собственности, ни монетъ, ни купли, ни продажи; они всѣ одинаково работаютъ для общества. Послѣднее владѣетъ всѣми продуктами земли и промышленности и дѣлитъ ихъ одинаково между всѣми членами; оно ихъ кормитъ, одѣваетъ, строитъ для нихъ жилища и обучаетъ ихъ; оно даетъ имъ сначала все необходимое, потомъ — полезное, а, если возможно, и пріятное». Организація торговли, промышленности—все это должно находиться въ рукахъ правительства, кромѣ семейной жизни, руководимой главой семьи.

Утопическія идеи «Путешествія» не мѣшали однако Кабэ принимать дѣятельное участіе въ политической жизни того времени. Подобно Луи Блану, онъ въ своей газетѣ „Populaire“ также настаивалъ на необходимости политической борьбы. «Будьте прежде всего — писалъ „Populaire“ — демократами и реформистами; принимайте участіе во всѣхъ политическихъ движеніяхъ, а также въ борьбѣ за избирательное право, оставаясь при этомъ коммунистами. Мы полагаемъ, что народъ съ большимъ увлеченіемъ, съ большой пользой будетъ бороться за политическія перемѣны, если ему показать, что соціальныя выгоды придутъ послѣ завоеванія политическихъ правъ. Только политическая реформа, преслѣдующая соціальную цѣль, можетъ и должна заинтересовать трудящуюся массу».

Вокругъ Кабэ образовалась группа преданныхъ учениковъ, икарійевъ, слѣпо вѣрившихъ и любившихъ своего учителя. Но Кабэ, указывая рабочимъ на тѣсную связь экономики съ политикой, мечталъ о наступленіи коммунизма путемъ постепеннаго, внутренняго перерожденія общества. «Можетъ ли наступить—спрашиваетъ онъ—царство коммунизма путемъ принужденія и насилія? Нѣтъ, я убѣжденъ, что оно восторжествуетъ только тогда, когда къ пониманію его будетъ подготовлено все общество, когда взгляды и убѣжденія людей будутъ не тѣ, что теперь. Какая-либо группа храбрыхъ и мужественныхъ людей можетъ захватить въ свои руки кормило правленія, но она никогда не будетъ въ состояніи провести въ жизнь своихъ принциповъ при общемъ неодобреніи или даже равнодушіи. Проповѣдывать, пропагандировать, распространять доктрину, убѣждать всѣхъ въ ея

преимуществахъ, спорить и уговаривать — вотъ та работа, которая теперь разумна, возможна и полезна».

Въ противоположность этимъ двумъ мирнымъ теченіямъ соціалистической мысли, Бланки выдвигалъ на первое мѣсто активную, революціонную борьбу съ правительствомъ. Какъ и другой революціонеръ Барбэсъ, онъ считалъ возможнымъ путемъ переворота въ Парижѣ подчинить всю Францію и такимъ путемъ осуществить необходимыя политическія и соціальныя реформы. Съ именемъ Бланки не связана опредѣленная соціалистическая теорія, а лишь методъ борьбы, извѣстный подъ именемъ *бланкизма*. Этотъ методъ являлся, съ одной стороны, продолженіемъ якобинства эпохи великой революціи, съ другой—былъ переходной ступенью отъ мелкобуржуазнаго движенія къ движенію чисто-пролетарскому. Подобно первому, бланкисты мечтали путемъ захвата центральной власти господствовать надъ остальной Франціей, а отсутствіе кадровъ широкихъ организованныхъ массъ отнимало у нихъ надежду на возможность захвата политической власти путемъ широкаго общественнаго движенія и толкало на путь вооруженныхъ заговоровъ и возстаній. Революціонный методъ республиканцевъ временъ Луи Филиппа въ значительной степени вызывался политическими условіями тогдашняго времени. Легальныя средства борьбы были невозможны. Республиканцы не только не могли свободно организоваться, но даже излагать свое ученіе публично въ современной печати. Оставался одинъ выходъ—или покорно сносить иго деспотическаго правительства, или попытаться свергнуть этотъ произволъ. Но какимъ путемъ? Вызвать широкое умственное движеніе, воспитать, идейно сорганизовать широкіе слои, — но у правительства было достаточно средствъ, чтобы задавить то и другое. Тогдашніе республиканцы не могли, какъ современные соціалисты, открыто вести пропаганду своихъ идей. Оставался одинъ путь — путь вооруженной борьбы въ формѣ возстанія. И вся эпоха іюльской монархіи была полна такими, всегда неудачными возстаніями. Разрозненные, недостаточно сорганизованные республиканцы всегда были принуждены отступать передъ организаціей и дисциплиной правительственныхъ войскъ и долгими годами тюрьмы и ссылки платиться за свои неудачные опыты.

Такой заговорщицкій характеръ носило — напримѣръ — возстаніе

1839 года. Общество «Временъ Года», во главѣ котораго стоялъ Бланки, рѣшило поднять возстаніе въ Парижѣ. Бланки выработалъ полный планъ сраженія, съ указаніемъ пунктовъ, которые слѣдовало занять, покрыть баррикадами, даже толщину каждой изъ баррикадъ, хотя у многихъ инсургентовъ не было даже оружія. Въ воскресенье 12 мая вдругъ въ центрѣ города появляется группа людей и разбираетъ оружейный магазинъ. Веселая, празднично разодѣтая толпа спокойно продолжаетъ свой путь на скачки, происходившія на Марсовомъ полѣ. Инсургенты разбиваются на двѣ группы. Группа Барбэса направляется къ зданію суда, обезоруживаетъ караулъ, а потомъ соединяется съ колонной Бланки. Затѣмъ инсургенты отправляются къ ратушѣ и завладѣваютъ ею. Но дѣло инсургентовъ было уже проиграно: со всѣхъ сторонъ подходили войска, а населеніе было совершенно равнодушно. Завладѣвъ такъ легко ратушей, они сами не знаютъ, что собственно имъ дѣлать дальше и отправляются разоружать полицейскіе посты. Наконецъ, національная гвардія и линейныя войска окружили инсургентовъ на улицѣ Гренети и забрали ихъ въ плѣнъ. Возстаніе было подавлено.

Совершенно особое положеніе среди республиканскихъ партій того времени занимала *независимая рабочая партія*, во главѣ которой стоялъ Бюше. Бюше совершенно отвергалъ всякую политическую борьбу и выдвигалъ на первую очередь экономическое улучшеніе трудящейся массы посредствомъ устройства рабочихъ ассоціацій. Членами ассоціаціи могли быть лишь католики нравственнаго поведенія; общая прибыль, получаемая отъ совмѣстной работы, дѣлилась поровну, а часть ея шла въ общій фондъ для освобожденія пролетаріата путемъ повсемѣстной организаціи подобныхъ же ассоціацій. Впрочемъ, Бюше очень скоро перешелъ отъ исключительно экономической борьбы къ «сліянію экономики съ политикой». Само буржуазное правительство Луи Филиппа толкало его на политическій путь, запрещая даже мирныя рабочія организаціи. «Тѣмъ,—писалъ онъ въ своемъ органѣ „Atelier“—которые насъ спросятъ, зачѣмъ рабочимъ вмѣшиваться въ политику, мы отвѣтимъ: для того, чтобы было невозможно насъ убивать, когда мы будемъ просить хлѣба или работы». Насколько идея о необходимости политической борьбы проникла въ рабочія массы,

показываютъ записки, оставленныя рабочими. «Мы работаемъ 16 часовъ въ день, — писалъ Нуаре изъ Руана — эта работа продолжается въ теченіе недѣли $6^1/_2$ дней, и, несмотря на это, мы умираемъ съ голоду, и наша бѣдность растетъ съ каждымъ днемъ. Мы желаемъ найти средство улучшить это положеніе, и намъ говорятъ: политика васъ не касается. Какъ, законы, устанавливающіе условія нашей жизни, налоги, падающіе на насъ тяжкимъ бременемъ, насъ не касаются? Если мы имѣемъ право жить, то это право принуждаетъ насъ слѣдить за тѣмъ, какъ устраиваютъ наши дѣла!»

Эта партія занимала среднее положеніе между соціалистическими и республиканскими партіями. Отъ первыхъ она отличалась тѣмъ, что была чужда соціализму и признавала неприкосновенность частной собственности, отъ вторыхъ, — что выставляла своей цѣлью защиту интересовъ исключительно рабочихъ, тогда какъ въ республиканскихъ обществахъ смѣшивались мелкая буржуазія и пролетаріатъ.

IX

Политика Луи Филиппа и февральскіе дни.

Такова была политическая и соціальная атмосфера жизни Франціи наканунѣ февральскихъ дней. Общественное самосознаніе настолько выросло, что столкновеніе его съ реакціонной политикой правительства было неизбѣжно. Средняя, мелкая буржуазія, пролетаріатъ стремились принять участіе въ политической жизни страны. Правительство могло бы еще избѣжать взрыва, если бы пошло навстрѣчу общественному желанію и путемъ широкихъ реформъ вывело бы страну изъ крайне угнетеннаго политическаго и экономическаго положенія.

Но Луи Филиппъ и его министры меньше всего считались съ общественнымъ мнѣніемъ. Они полагали, что единственнымъ судьей народныхъ нуждъ могло быть только правительство. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гизо не допускалъ и мысли о возможности протеста по поводу существующаго политическаго строя. «Мы не выбрали короля, — говорилъ онъ — мы обратились къ принцу, стоявшему около трона, прося его гарантировать наше публичное право и

избавить насъ отъ революціи. Обращеніе къ народному голосованію придало бы реформированной монархіи тотъ характеръ, котораго мы старались избѣгнуть: оно поставило бы избраніе на мѣсто необходимости и договора». — «Несчастіе этой страны,—говорилъ другой представитель партіи правительства, Казимиръ Перье,—заключается въ томъ, что у насъ существуютъ люди, которые воображаютъ, что во Франціи произошла революція. Нѣтъ, во Франціи не было революціи: произошла лишь перемѣна въ личности главы государства».

Чтобы задушить возможность протеста непосредственно въ парламентѣ и получить мнимое одобреніе народныхъ представителей, было одно средство — устранить массы отъ вмѣшательства въ политическую жизнь и сдѣлать изъ народныхъ представителей людей, послушныхъ правительству. Этими средствами и воспользовались министры Луи Филиппа для борьбы съ оппозиціей, охватывающей все болѣе и болѣе широкіе слои населенія.

Благодаря высокому цензу, политическія права были переданы въ руки весьма незначительной части націи — «благонамѣренной, легальной серединѣ». Голоса депутатовъ цинично покупались различными государственными должностями; та же система беззастѣнчиваго подкупа была примѣнена и по отношенію къ избирателямъ. «Вмѣсто благородныхъ идей,— говоритъ Герценъ о тогдашней Франціи — рычагъ, приводящій все въ движеніе,—деньги». «Наше правительство,—писалъ одинъ членъ палаты перовъ (верхней палаты),— является по сравненію съ иностранными самымъ развратнымъ, самымъ продажнымъ; оно мерзостнѣе и гаже всѣхъ, когда либо тяготѣвшихъ надъ Франціей. Это—грабежъ, мотовство, безчестіе, олицетворенное въ собраніи нѣсколькихъ людей называющихъ себя министрами. Свобода воровъ гарантирована у насъ самымъ лучшимъ образомъ. Чины и награды даются теперь не за заслуги, а за холопство и лакейство».

Въ дѣйствительности, мѣсто народныхъ представителей, за немногими исключеніями, занимали разнообразные ставленники правительства. Въ палату перовъ назначались исключительно королевскіе любимцы. Въ палату депутатовъ—усиліями правительства—попадали чиновники, совершенно равнодушные къ истиннымъ нуждамъ страны. Они безъ протестовъ принимали всѣ репрессивные законы, предла-

гаемые министерствомъ. А такихъ законовъ въ недолгій срокъ—1830—1835 года—было издано около семи: въ 1834 г. 16 февраля законъ противъ агитаторовъ въ общественныхъ мѣстахъ; 10 апрѣля того же года—противъ ассоціацій (ліонскіе ткачи отвѣтили на него вторымъ, уже политическимъ возстаніемъ); 9 сентября 1835 г.—противъ печати и суда присяжныхъ.

Политика реакціонныхъ министровъ была настолько свирѣпа, такъ революціонизировала общество и подкапывала устои монархіи, возбуждая наиболѣе равнодушные политическіе слои населенія, что даже среди приверженцевъ монархіи - въ рядахъ самой крупной буржуазіи—образовалась, такъ называемая,—*династическая оппозиція*. Сторонникамъ этой партіи *были дороги интересы буржуазіи и престола,* но они ясно видѣли, что дальнѣйшая реакція ведетъ монархію къ гибели и вызываетъ неизбѣжность народнаго взрыва. Они требовели отставки Гизо и убѣждали Луи-Филиппа свернуть на путь частичныхъ реформъ, способныхъ во-время успокоить общество и задавить страшный призракъ надвигающейся революціи. Жертвуя малымъ, они мечтали сохранить большее.

Но Гизо — тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ—и не думалъ объ уступкахъ. Въ атмосферѣ такого общественнаго броженія открылась сессія палаты послѣ выборовъ 1846 года, которые, благодаря сильному давленію Гизо, дали опять реакціонное большинство. Нельзя было мечтать при такомъ составѣ палатъ о возможности легальной оппозиціи. Для всѣхъ оппозиціонныхъ партій, кончая даже наиболѣе правыми, желавшими мира и законности, оставался одинъ путь борьбы—*путь революціонный*. Теперь борьба изъ стѣнъ парламента переносится въ народныя массы.

Оппозиціонныя партіи объединились въ борьбѣ противъ министерства Гизо и образовали комитеты «сенскихъ оппозиціонныхъ избирателей». Причемъ общей платформой объединенія служила борьба за неотложныя реформы; что же касается остальной программы, то каждая партія не отказывалась отъ своихъ конечныхъ политическихъ идеаловъ.

«Наша цѣль —говорилъ членъ умѣренной оппозиціи Обильи Барро—заключается теперь въ томъ, чтобы низвергнуть Гизо... Мы временно отказываемся отъ тѣхъ требованій, которыя считаемъ теперь не-

умѣстными. Нашему союзу съ вами (онъ обращался къ членамъ династической оппозиціи) настанетъ конецъ, когда вы будете у кормила правленія». То же самое отвѣтили и члены династической оппозиціи: «когда мы сломимъ Гизо, тогда собственными силами будемъ бороться за свое дѣло».

Комитетъ рѣшилъ организовать широкую пропаганду реформистскихъ идей путемъ устройства политическихъ банкетовъ и энергично принялся за дѣло. Прежде всего онъ выпустилъ воззваніе къ депутатамъ, излагая въ немъ отрицательныя стороны существующей избирательной системы. Это воззваніе имѣло собственно значеніе не для депутатовъ, оставшихся къ нему равнодушными, а для народа— какъ яркая иллюстрація несправедливости избирательной системы.

Гораздо большее значеніе имѣли самые банкеты. Благодаря имъ и своей энергіи, вожди партіи развили широкую агитаціонную дѣятельность и въ цѣломъ рядѣ рѣчей познакомили массы съ своими политическими и соціальными программами. Но уже и здѣсь, на банкетахъ, скоро обнаружилась рѣзкая разница между умѣренной оппозиціей, представленной средней буржуазіей, и крайними радикалами, выражающими интересы мелкой революціонной буржуазіи и пролетаріата. Несмотря на рѣзкій тонъ своихъ рѣчей, сторонники умѣренной оппозиціи, однако, оставались на строго конституціонной почвѣ и стремились не измѣнить, а лишь исправить и дополнить учрежденія іюльской монархіи; радикалы особенно подчеркивали въ своихъ рѣчахъ принципъ народовластія, низверженія монархіи и провозглашеніе республики.

«Демократія хочетъ — говорилъ депутатъ Флаконъ — освободить 25 милліоновъ пролетаріевъ и создать общество на принципахъ свободы, равенства и братства; оппозиція же хочетъ мелкой реформы, уменьшенія избирательнаго ценза и замѣны его другимъ, она стремится къ созданію денежной аристократій... *Мы не боремся за одно и то же, наши пути и идеалы различны...*»

Между тѣмъ, вліяніе банкетовъ не замедлило сказаться.

Общество, раньше равнодушное къ избирательной и парламентской борьбѣ, съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдило за открывавшеюся сессіей парламента 28 декабря 1847 года. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали — пойдетъ ли правительство по пути реформъ или останется

при старой системѣ. Въ рѣчи, сказанной при открытіи палатъ, Луи-Филиппъ опредѣленно заявилъ, что курсъ правительства останется прежній. Оппозиція приняла брошенный вызовъ и заявила, что она устроитъ въ Парижѣ еще банкетъ 10 января, какъ протестъ противъ правительства. Но и этотъ банкетъ и задуманная на 22 февраля мирная манифестація были запрещены правительствомъ, готовымъ «поддержать» порядокъ и спокойствіе. Не желая кроваваго столкновенія, представители оппозиціонныхъ группъ рѣшили отложить проектируемую манифестацію.

Съ утра 22-го февраля народъ сталъ собираться на площади, предназначенной для манифестаціи, но ничто не говорило о возможности скораго взрыва. Повсюду замѣчалось равнодушіе, нерѣшительность и отсутствіе всякаго плана. Вдругъ колонна студентовъ, распѣвая марсельезу, направляется отъ площади Пантэонъ къ палатѣ депутатовъ. Крикъ радости раздается въ толпѣ, зараженной ихъ энтузіазмомъ.

Драгуны разогнали молодежь. Кое-гдѣ начались стычки, появились баррикады, но къ вечеру городъ былъ занятъ войсками,— и наступило видимое спокойствіе.

День 23-го февраля начался отдѣльными стычками между народомъ и войсками. Національная гвардія, состоящая изъ среднихъ, зажиточныхъ буржуа, въ теченіе почти всей іюльской монархіи подавлявшая народныя движенія, на этотъ разъ устроила враждебную правительству демонстрацію и съ криками: «да здравствуетъ реформа»! — прошла по городу. Демонстрація національныхъ гвардейцевъ испугала Луи-Филиппа и онъ далъ отставку Гизо, замѣнивъ его графомъ Моле. Вѣсть эта, казалось, успокоительно подѣйствовала на народъ: въ ней онъ увидѣлъ первую побѣду. Но происшедшее въ этотъ вечеръ кровавое событіе снова возбудило народныя страсти. Вечеромъ, въ знакъ одержанной побѣды, толпа рѣшила устроить демонстрацію около дома Гизо. Въ одной изъ улицъ толпа встрѣтилась съ войсками и вступила съ ними въ переговоры. Въ это время раздался случайный выстрѣлъ, солдаты дали залпъ и улица покрылась трупами убитыхъ и раненыхъ.

Вѣсть о происшедшемъ быстро разнеслась по городу, вызывая всюду возмущеніе и жажду борьбы. Ночью при свѣтѣ факеловъ по

улицамъ Парижа провозятъ трупы убитыхъ. «Къ оружію! мщеніе! на баррикады»! — кричитъ толпа. Теперь всякая надежда на миръ исчезла: народъ взялся за оружіе и сталъ строить баррикады.

Между тѣмъ, назначенный Луи-Филиппомъ Моле не смогъ составить новое министерство и король призвалъ членовъ умѣренной оппозиціи—Тьера и Одилона Барро. Тьеръ и Барро, желая остановить народную борьбу, выпустили прокламацію, въ которой говорилось: «Жители Парижа! Войскамъ приказано не стрѣлять. Мы назначены министрами. Палата будетъ распущена... Свобода, порядокъ, единеніе, *реформа*»!..

Но было поздно. Республиканцы, стоящіе по главѣ возставшаго народа, не думали слагать оружіе. У всѣхъ еще были въ памяти іюльскіе дни. Наученные такъ дорого купленнымъ опытомъ, республиканцы рѣшили довести возстаніе народа до полной побѣды. «Луи-Филиппъ убиваетъ насъ,—говорилось въ распространяемой отъ ихъ имени прокламаціи—подобно Карлу X. Пошлемъ его туда, куда бѣжалъ Карлъ. Да здравствуетъ республика»! И этотъ призывъ республиканцевъ нашелъ громкій откликъ въ сердцахъ пролетаріевъ. Республиканскій духъ, подавляемый въ палатѣ депутатовъ, сосредоточивался въ рабочемъ населеніи предмѣстій. Когда люди «законной» оппозиціи, увидѣвъ побѣду народа, вздумали—по примѣру іюльскихъ дней—задушить дальнѣйшее развитіе революціи, республиканцы рѣшили отважиться на отчаянную борьбу. И февральскіе дни оказались счастливѣе іюля: *республиканцы сумѣли овладѣть движеніемъ* и добиться республики.

Когда было ясно, что сопротивленіе войскъ сломлено, Луи-Филиппъ отрекся отъ престола съ пользу своего внука, графа Парижскаго. Около него и сгруппировалась теперь умѣренная оппозиція, совсѣмъ не думавшая о республикѣ. Явился вопросъ, сумѣетъ ли народъ — побѣдитель использовать свою побѣду или же власть попрежнему перейдетъ въ руки буржуазіи?

Вниманіе республиканцевъ было перенесено теперь въ палату депутатовъ, гдѣ сторонники умѣренной оппозиціи пытались утвердить графа Парижскаго. Однако, всѣ ихъ попытки были напрасны. Республиканцы, поддержанные ворвавшимся въ палату народомъ, настояли, въ концѣ концовъ, на провозглашеніи республика. Когда

общее волненіе, вызванное вошедшимъ народомъ, улеглось, на трибуну всходитъ Ледрю-Ролленъ: «Именемъ народа,—начинаетъ онъ,—я требую молчанія... Господа! именемъ народа вооруженнаго, именемъ народа — господина Парижа, я протестую, что бы ни дѣлали, противъ той формы правленія, которую только что предложили съ этой трибуны. Во имя народа, который составляетъ все, я васъ спрашиваю, какія гарантіи даетъ намъ ваше правительство, которое вы только что возвели или пытаетесь возвести на престолъ? Я требую временнаго правительства, избраннаго и назначеннаго не палатой, но народомъ. Временное правительство и немедленное обращеніе къ конвенту, который установилъ бы право народа». Онъ читаетъ списокъ кандидатовъ временнаго правительства. Позднѣе въ ратушѣ, куда толпа отправилась изъ залы засѣданія, къ нимъ были присоединены имена двухъ представителей пролетаріата — соціалистовъ Луи Блана и Альбера. Въ ратушѣ новое правительство вступило въ исполненіе своихъ обязанностей. Теперь уже здѣсь, а не въ палатѣ депутатовъ происходитъ борьба различныхъ общественныхъ группъ. Эта классовая борьба закончилась кровавыми днями іюня.

X

Временное правительство и пролетаріатъ

Основы іюльской монархіи были снесены соединенными усиліями средней, мелкой буржуазіи и прелетаріата. Лишенные при старомъ режимѣ почти всѣхъ политическихъ правъ, эти классы занимаютъ теперь господствующее положеніе и начинаютъ играть главную роль въ общественной жизни страны. Вмѣстѣ съ этимъ и классовая рознь, затушеванная раньше совмѣстной борьбой съ крупной буржуазіей, выступаетъ теперь съ неудержимой силой.

Во временное правительство вошли представители всѣхъ соціальныхъ группъ, принимавшихъ активное участіе въ низверженіи орлеанской династіи.

Средняя буржуазія, желавшая «спокойной, честной республики», была представлена въ лицѣ Араго, Дюпена, Гарнье Паже, Марно,

Кремье и Мари. Всѣ эти лица – главные сотрудники «National'я» — пользовались широкой популярностью въ Парижѣ. Во временномъ правительствѣ они оказались въ большинствѣ. Средняя буржуазія въ февральскіе дни, подобно крупной въ іюльскіе, сумѣла учесть въ свою пользу результаты революціи и въ то время, когда революціонный народъ еще умиралъ на баррикадахъ, она захватила уже въ свои руки руководство дальнѣйшимъ ходомъ революціи.

Выразителями взглядовъ мелкой буржуазіи были Ледрю-Ролленъ и Флаконъ. Наконецъ, пролетаріатъ былъ представленъ двумя соціалистами—Луи Бланомъ и Альберомъ.

Уже при самомъ вступленіи послѣднихъ въ составъ временнаго правительства произошло событіе, ярко иллюстрирующее классовой антагонизмъ различныхъ общественныхъ группъ.

Первый списокъ лицъ временнаго правительства, составленный въ палатѣ депутатовъ при участіи сторонниковъ «National'я» и «Реформы», не заключалъ въ себѣ именъ соціалистовъ.

Когда новое правительство, составленное исключительно изъ представителей средней буржуазіи, приступило къ работѣ, въ ратушу вошли Луи Бланъ и Альберъ. «Что имъ надо?» — спрашиваетъ Кремье у Ламартина. — «Не знаю», — отвѣчаетъ тотъ съ равнодушнымъ видомъ. Не смущаясь такимъ пріемомъ, Луи Бланъ смѣло подходитъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Араго и Дюпенъ, и говоритъ: «Ну, господа, приступимъ къ обсужденіямъ». Окинувъ его презрительнымъ взглядомъ, Араго произноситъ: «безъ сомнѣнія, милостивый государь, мы приступимъ къ обсужденіямъ, но не ранѣе, чѣмъ вы уйдете». Возмущенный такимъ пріемомъ, Луи Бланъ съ жаромъ доказываетъ, что онъ имѣетъ не менѣе правъ на званіе народнаго представителя, чѣмъ и они, что онъ также выбранъ народомъ, и грозитъ, въ случаѣ отказа, обратиться къ народу. Лишь боязнь непосредственнаго вмѣшательства пролетаріата, еще не сложившаго оружія, заставила буржуазію, скрѣпя сердце, признать новыхъ членовъ.

Это событіе было началомъ борьбы, которая красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность временнаго правительства. Первое столкновеніе возникло по поводу прокламаціи, выпущенной къ народу и оповѣщающей населеніе о новой формѣ правленія. Соціалисты и радикалы требовали яснаго, недвусмысленнаго признанія республики;

представители средней буржуазіи противились, указывая на то, что лишь народъ полномоченъ провозгласить и санкціонировать новый политическій строй. Въ дѣйствительности — они просто не хотѣли связывать себѣ рукъ какими бы то ни было опредѣленными обѣщаніями. Принятая послѣ долгихъ споровъ и измѣненій прокламація не была однако подписана Ледрю-Ролленомъ и Флакономъ.

Вторымъ спорнымъ вопросомъ былъ вопросъ о республикѣ. Въ революціонные февральскіе дни республика являлась политическимъ идеаломъ всѣхъ общественныхъ группъ въ борьбѣ съ іюльской монархіей. Теперь, когда революціонныя бури улеглись, оказалось, что каждая партія по-своему понимала основы республики и вкладывала въ нее свое особое содержаніе. Средняя буржуазія и не думала о полномъ народовластіи. Она отстаивала республику, основанную на цензѣ, если и не особенно высокомъ, то во всякомъ случаѣ лишающемъ неимущіе классы политическихъ правъ. Мелкая буржуазія въ вопросахъ политики шла дальше и вмѣстѣ съ пролетаріатомъ мечтала о всеобщемъ избирательномъ правѣ и демократической республикѣ. Выставляя общій съ мелкой буржуазіей политическій идеалъ, пролетаріатъ въ области соціальныхъ вопросовъ шелъ еще дальше. Полный энтузіазма и готовности къ дальнѣйшей борьбѣ, онъ ждалъ отъ республики исцѣленія своихъ соціальныхъ нуждъ. Смутно онъ мечталъ даже о соціализмѣ, картины котораго, хотя и туманно, рисовались въ его воображеніи.

Участіе Луи Блана и Альбера въ составѣ временнаго правительства лишь укрѣпляло эти иллюзіи. Споръ о республикѣ, какъ и слѣдовало ожидать, свелся, въ концѣ концовъ, къ вопросу о дальнѣйшемъ ходѣ революціи. Для пролетаріата красное знамя было символомъ дальнѣйшаго движенія къ соціализму, буржуазія настояла на томъ, чтобы осталось старое, трехцвѣтное. Эта первая побѣда буржуазнаго правительства вызвала взрывъ негодованія среди рабочихъ, которое такъ ярко сказалось въ выпущенной по этому поводу прокламаціи по адресу временнаго правительства.

«Съ глубокой грустью борцы-республиканцы—гласила эта прокламація—прочли манифестъ правительства о томъ, что трехцвѣтное знамя остается національнымъ знаменемъ республики. Оно было введено Людовикомъ XVI, сдѣлалось славнымъ и великимъ во время пер-

вой республики и Наполеона, и было опозорено въ дни правленія Луи-Филиппа Мы, впрочемъ, ни за первую республику, ни за Имперію. Народъ водрузилъ на своихъ баррикадахъ 1848 года красное знамя. Оно обагрено кровью, пролитой народомъ и національной гвардіей, оно развѣвается теперь надъ Парижемъ и оно будетъ развѣваться надъ нимъ. Побѣдоносный народъ не удалитъ своего знамени»!

Такъ, по мѣрѣ обостренія классовой борьбы, событія принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ.

25-го февраля утромъ на площади передъ ратушей появилась громадная толпа со знаменами, на которыхъ было написано: «право на трудъ». Въ качествѣ делегата въ ратушу былъ посланъ рабочій Маршъ. Войдя туда, онъ молча подалъ народную петицію и ждалъ немедленнаго отвѣта. Въ его лицѣ пролетаріатъ впервые предсталъ передъ правительствомъ. «Народъ не довѣряетъ временному правительству—воскликнулъ онъ—и не разойдется, пока ему особымъ декретомъ не гарантируютъ его существованіе предоставленіемъ работы». Напрасно чувствительный поэтъ Ламартинъ пытался уговорить его. «Безъ фразъ! Довольно поэзіи. Народъ—властелинъ, и онъ приказываетъ вамъ, своимъ слугамъ, декретировать право на трудъ» —отвѣчалъ ему Маршъ. И лишь послѣ долгихъ увѣщаній рабочіе согласились терпѣть для «блага республики» 3 мѣсяца. Во время этихъ переговоровъ Луи Бланъ совмѣстно съ Ледрю-Ролленомъ и Флакономъ составили декретъ о правѣ на трудъ, подписанный затѣмъ остальными членами временнаго правительства. «Временное правительство — было написано тамъ — обязуется обезпечить существованіе рабочаго класса предоставленіемъ ему работы. Оно обязуется также дать работу всѣмъ гражданамъ. Оно считаетъ, что рабочіе должны соединиться, чтобы пользоваться плодами своей работы».

Но, издавая этотъ декретъ, правительство сдѣлало въ то же время первый рѣшительный шагъ для организаціи контръ-революціи. По предложенію Ламартина было образовано 24 батальона подвижной гвардіи, набранной, главнымъ образомъ, въ провинціи изъ всевозможныхъ отбросовъ общества. Временное правительство платило имъ полтора франка въ день. Начальниками этихъ головорѣзовъ были назначены офицеры регулярной арміи и молодые люди, сыновья богатыхъ буржуа. Эти-то люди, лишенные всякихъ принциповъ, убѣ-

жденій, имѣющіе за собой въ прошломъ лишь рядъ гнусныхъ преступленій, и были сорганизованы временнымъ правительствомъ и противопоставлены пролетаріату, который привѣтствовалъ ихъ въ іюньскіе дни криками «ура», наивно считая ихъ рабочей гвардіей въ отличіе отъ національной, буржуазной.

Въ то же время Парижъ пополнялся все новыми и новыми отрядами войскъ. Буржуазія подготовляла іюньскіе дни! Съ цѣлью организаціи контръ революціи она рѣшила использовать даже самый декретъ объ «организаціи труда». Устроенныя министромъ общественныхъ работъ Мари національныя мастерскія, не имѣющія ничего общаго съ ассоціаціями Луи Блана, не могли, конечно, рѣшить рабочій вопросъ, остроту котораго чувствовалъ рабочій классъ. Буржуазное правительство это хорошо понимало, но оно мечтало усыпить пролетаріатъ обѣщаніями, чтобы самой успѣть сорганизоваться для борьбы.

Своей уродливой, отрицательной организаціей мастерскихъ Мари лишь профанировалъ среди пролетаріата идеи Луи Блана, отталкивая отъ него рабочихъ и возбуждая противъ нихъ остальные слои населенія: реакціонную массу крестьянства и мелкой буржуазіи.

Національныя мастерскія Мари не были новы для Франціи. Устройствомъ подобнаго рода *благотворительныхъ* мастерскихъ правительство еще во время первой революціи пыталось облегчить нужду пролетаріата и занять свободныя рабочія руки. Работы, выполняемыя въ нихъ, были безцѣльны и ненужны. Тотъ же характеръ носили и мастерскія Мари. Понятно, какое чувство должны онѣ были вызывать среди пролетаріата, мечтающаго не о подачкѣ, а о честномъ, полезномъ трудѣ. Не менѣе были возмущены, хотя и по другой совсѣмъ причинѣ, буржуа и крестьяне—ихъ возмущала безполезная трата денежныхъ суммъ на осуществленіе—какъ заявляло имъ правительство—«попытокъ коммунизма». Вмѣсто разрѣшенія «соціальнаго» вопроса, мастерскія подготовляли лишь почву для будущей гражданской войны. Этого, собственно говоря, и желала теперь буржуазія.

Директоръ мастерскихъ Тома, врагъ всякаго соціализма, передаетъ въ своей «Исторіи Національныхъ Мастерскихъ» слѣдующій разговоръ свой съ Мари. «Мари однажды спросилъ меня, могу ли я

искренно привязать къ себѣ рабочихъ, прибавивъ при этомъ: какъ вы думаете, сможете ли вы командовать этими людьми? Не далекъ день, когда мы должны будемъ воспользоваться ими на улицахъ. Постарайтесь о томъ, чтобы они были вооружены». Самъ Тома, давая послѣ іюньскихъ дней показанія передъ слѣдственной комиссіей, открыто заявлялъ: «Я всегда дѣйствовалъ противъ Редлю-Роллена, Флакона и другихъ; я занималъ явно враждебную позицію по отношенію къ Люксембургской комиссіи и открыто боролся противъ Луи Блана». Среди рабочихъ въ мастерскихъ усиленно велась даже открытая агитація противъ соціализма и Луи Блана. Правда, попытки Мари въ этомъ направленіи не имѣли успѣха. Вмѣсто того, чтобы по мысли Мари бороться за буржуазію противъ соціализма, они боролись противъ буржуазіи за соціализмъ.

Передовые рабочіе, группировавшіеся около Луи Блана, хорошо поняли значеніе подобнаго рода мастерскихъ и съ самаго начала встрѣтили ихъ отрицательно. На другой день послѣ изданія декрета они явились передъ ратушей съ требованіемъ—учредить «*министерство труда*» для нормальнаго разрѣшенія рабочихъ нуждъ.

Луи Бланъ горячо поддерживалъ рабочихъ, видя въ этомъ первый шагъ на пути правильной организаціи труда, и грозилъ въ противномъ случаѣ немедленно выйти въ отставку. Напротивъ, всѣ остальные члены правительства почти наотрѣзъ отказались исполнить требованія рабочихъ. «Учрежденіе особаго министерства—говорили они—выходитъ изъ сферы нашихъ полномочій. Это дѣло Учредительнаго Собранія». Но страхъ предъ дальнѣйшей революціей, которая могла бы вспыхнуть послѣ выхода Луи Блана изъ состава временнаго правительства, заставилъ наиболѣе умѣренныхъ изъ нихъ пойти на уступки. Они настойчиво убѣждали Луи Блана отказаться отъ своихъ требованій, способныхъ опять взволновать и поднять массы, и предлагали, вмѣсто министерства, устроить особую комиссію для разработки вопросовъ, связанныхъ съ необходимостью улучшеній труда. Послѣ долгихъ протестовъ и убѣжденій Луи Бланъ, наконецъ, уступилъ и 28-го февраля появился слѣдующій декретъ временнаго правительства. «Признавая, что революція, совершенная народомъ, должна служить интересамъ народа, что пора положить предѣлъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ, что рабочій вопросъ есть вопросъ ве-

личайшей важности, что не существуетъ предмета, который былъ бы настолько достоинъ заботливости правительства, что Франція должна съ особеннымъ вниманіемъ заняться изученіемъ и разрѣшеніемъ задачи, поставленной въ настоящее время всѣми промышленными народами Европы, что нужно безъ малѣйшей задержки гарантировать народу законные плоды его труда,—временное правительство республики постановляетъ учредить постоянную комиссію, которая будетъ называться «правительственной комиссіей для рабочихъ», назначеніе которой—заниматься судьбой рабочаго класса. Чтобы показать, какую важность придаетъ временное правительство республики разрѣшенію этой великой задачи, оно назначаетъ президентомъ этой комиссіи одного изъ своихъ членовъ, гражданина Луи Блана, а вице-президентомъ—Альбера, другого члена временнаго правительства. Мѣстопребываніемъ этой комиссіи назначается Люксембургскій дворецъ»..

Ни особыхъ средствъ, ни дѣйствительной власти комиссіи предоставлено не было, и Луи Бланъ былъ правъ, говоря, что ему предлагали прочитать передъ голодными людьми курсъ о голодѣ»...

Издавая подобный декретъ, члены правительства руководствовались совершенно различными мотивами. Луи Бланъ мечталъ, такимъ образомъ, создать публичную кафедру соціализма, сплотить, сорганизовать около комиссіи рабочихъ и привлечь вниманіе широкихъ массъ къ разрѣшенію соціальныхъ проблемъ. Умѣренные республиканцы средней буржуазіи думали такимъ путемъ успокоить, усыпить рабочую массу, не давая ей въ сущности ничего положительнаго. Обращая всю дѣятельность Луи Блана въ безплодные разговоры, они въ то же время удалили изъ своей среды непріятныхъ имъ членовъ-соціалистовъ, такъ какъ Луи Бланъ и Альберъ отдавали большую часть своего времени работамъ комиссіи. «Нужно стараться, чтобы Луи Бланъ потерялъ свое очарованіе,—говорилъ Мари—онъ лишится тогда своей силы и не будетъ намъ страшенъ».

Буржуазія ошиблась: комиссія не умалила, а еще болѣе увеличила вліяніе Луи Блана на рабочія массы Парижа Уже самый фактъ учрежденія комиссіи былъ офиціальнымъ признаніемъ существованія рабочаго вопроса, а ея работы придали ясную формулировку туманнымъ стремленіямъ и надеждамъ пролетаріага и дали сильный толчокъ дальнѣйшему развитію соціализма, пополняя и расширяя принципы, положенные въ основу «Организаціи труда».

Въ своихъ практическихъ мѣропріятіяхъ комиссія сдѣлала первые опыты осуществленія этихъ принциповъ въ жизни. Въ Парижѣ, по иниціативѣ Луи Блана, были устроены три ассоціаціи портныхъ, сѣдельщиковъ и прядильщиковъ съ равномѣрной заработной платой и полнымъ отсутствіемъ всякихъ іерархическихъ подраздѣленій Комиссія также принимала нерѣдко на себя роль посредника въ спорѣ между капиталистами и рабочими и издала цѣлый рядъ декретовъ съ цѣлью регламентировать трудъ и поставить его въ болѣе нормальныя условія.

Особенно характернымъ для тогдашняго соціализма вообще и взглядовъ Луи Блана въ частности является слѣдующій фактъ. Для выработки проектовъ коренныхъ реформъ, захватывающихъ всѣ отрасли труда, была образована особая комиссія, въ составъ которой вошли делегаты отъ рабочихъ и капиталистовъ. Рѣшено было принятые на такомъ общемъ собраніи законопроекты передавать потомъ на разсмотрѣніе Учредительнаго Собранія. Избраніе комитета для выработки проектовъ было произведено на общемъ собраніи, гдѣ присутствовало около 500 делегатовъ рабочихъ и 150 отъ фабрикантовъ. Главнымъ ораторомъ былъ Луи Бланъ, и теперь еще мечтавшій о взаимномъ мирномъ сотрудничествѣ классовъ. «Умереть на баррикадахъ—говорилъ онъ, обращаясь къ рабочимъ,—есть, безъ сомнѣнія, геройскій актъ, итти противъ вооруженнаго врага безусловно мужественный поступокъ; но въ томъ и другомъ случаѣ рискуешь только собственной жизнью. Есть обстоятельства, которыя требуютъ гораздо большаго геройства и нравственнаго мужества. Я разумѣю то, когда на карту ставится жизнь многочисленнаго населенія... Если мы взяли на себя эту ужаснѣйшую отвѣтственность, то это потому, что наша непоколебимая вѣра и глубокое убѣжденіе подсказывали намъ, что мы стоимъ на высотѣ этой трудной и благородной задачи, которая можетъ быть разрѣшена только съ *вашей* помощью. Не откажите намъ въ ней; мы просимъ довѣрія взамѣнъ нашей преданности и привязанности». «Я знаю, какъ дорога свобода всякому культурному человѣку—говорилъ онъ капиталистамъ.—Подъ словомъ «свобода» мы разумѣемъ, что человѣкъ можетъ поступать такъ или иначе, руководясь при этомъ своимъ собственнымъ желаніемъ. Прекрасная вещь—свобода! Но я васъ спрашиваю, свободенъ ли рабочій, когда вслѣд-

ствіе какого-либо кризиса, вызваннаго безграничной конкуренціей, онъ не можетъ найти работы?.. Свободенъ ли тотъ, кто не имѣетъ никакого убѣжища? Свободенъ ли ребенокъ, проводящій цѣлые дни въ душной и затхлой атмосферѣ фабрики?.. Я обращаюсь къ вашему сердцу, къ вашему патріотизму, я не обращаюсь къ вамъ, какъ къ представителямъ капитала, богачамъ или патріотамъ,—я имѣю предъ собой просто людей и я васъ спрашиваю: правда ли что я говорю? (да! да!). Если да, то идемъ вмѣстѣ трудиться надъ разрѣшеніемъ задачи настоящей свободы. Я утверждаю, что свобода немыслима при такомъ антагонизмѣ, при такой борьбѣ, когда на одной сторонѣ находится сильный, а на другой слабый... Свобода! да, она возможна лишь путемъ ассоціаціи. Республиканская Франція покроетъ свое имя неувядаемой славой, она будетъ провозвѣстницей принциповъ ассоціаціи»... Эта рѣчь Луи Блана всего лучше обнаруживаетъ всю несостоятельность, всю утопичность его взглядовъ... Рѣшать рабочій вопросъ путемъ обращенія къ «сердцу» буржуазіи, толковать о мирномъ сотрудничествѣ классовъ наканунѣ іюньскихъ дней могъ лишь чувствительный мѣщанинъ, а не истинный выразитель интересовъ рабочаго класса. И вся дѣятельность Луи Блана въ составѣ временнаго правительства и въ Люксембургской комиссіи ни на шагъ не подвинула разрѣшенія рабочаго вопроса, не затронула основъ существующаго строя, а лишь парализовала революціонную энергію пролетаріата.

Совершивъ февральскую революцію сообща съ буржуазіей, пролетаріатъ пытается теперь отстаивать свои интересы *рядомъ* съ буржуазіей при посредствѣ своихъ представителей во временномъ правительствѣ. Мечтая о своемъ полномъ освобожденіи *бокъ о бокъ* съ буржуазіей, пролетаріатъ пытается осуществить соціалистическую революцію во Франціи, совершенно не считаясь съ состояніемъ производительныхъ силъ страны и международнымъ положеніемъ Франціи. Пролетаріатъ требуетъ «организаціи труда», особаго министерства труда—временное правительство идетъ на уступки и въ Люксембургскомъ дворцѣ учреждаетъ «комиссію для изысканія средствъ къ улучшенію положенія трудящихся».

«Такимъ образомъ представители рабочаго класса, говоритъ К. Марксъ («Классовая борьба во Франціи»), были изгнаны изъ мѣста засѣда-

ній временнаго правительства и буржуазная часть послѣдняго удержала исключительно въ своихъ рукахъ дѣйствительную государственную власть и бразды правленія».

«*Рядомъ* съ министерствомъ финансовъ, торговли и общественныхъ работъ, *рядомъ* съ банкомъ и биржей учреждена была *соціалистическая синагога*, первосвященники которой Луи Бланъ и Альберъ имѣли своей задачей открыть обѣтованную страну, возвѣстить новое евангеліе и отвлечь вниманіе парижскаго пролетаріата. Въ отличіе отъ всякой обыкновенной государственной власти они не располагали никакимъ бюджетомъ, никакой исполнительной властью. Они должны были своимъ лбомъ разбить устои буржуазнаго строя».

Событія толкнули пролетаріатъ на попытки, превосходившія его силы. Эти попытки окончились полной неудачей. Французскіе рабочіе не могли двинуться ни на шагъ впередъ за предѣлы буржуазнаго строя, «не могли тронуть ни одного волоска его, пока ходъ революціи не поднялъ противъ этого строя, противъ господства капитала стоящую между пролетаріатомъ и буржуазіей массу націи, крестьянъ и мелкихъ буржуа, и не заставилъ ихъ примкнуть къ пролетаріату, признавъ въ немъ своего передового борца».

Но могъ ли пролетаріатъ поступить иначе, могъ ли онъ, побѣдитель на баррикадахъ, отказаться отъ власти, отъ участія во временномъ правительствѣ? Могъ ли онъ вручить свои судьбы въ руки лицемѣрной, предательской буржуазіи? Нѣтъ, вся историческая обстановка, весь ходъ событій вынудилъ его стать у власти и не въ самомъ фактѣ участія пролетаріата въ буржуазномъ правительствѣ заключалась ошибка, а въ тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявилъ этому правительству, въ несоотвѣтствіи этихъ требованій съ даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ въ обществѣ. Мечтать о соціализмѣ, когда все содержаніе революціи сводится къ борьбѣ, промышленной буржуазіи съ финансовой аристократіей, думать о соціализмѣ, когда еще идетъ рѣчь о свободѣ конкуренціи и о господствѣ капитала—значитъ совершенно не считаться съ исторической обстановкой и соотношеніемъ общественныхъ силъ. Съ другой стороны, только низкимъ уровнемъ производительныхъ силъ въ обществѣ мы и можемъ объяснить ошибки пролетаріата, всю несостоятельность и всю утопичность его требованій.

Оттолкнувъ отъ себя краснымъ призракомъ соціализма мелкую буржуазію, пролетаріатъ оказался совершенно изолированнымъ и въ роковые для него іюньскіе дни; истекая кровью на баррикадахъ, онъ былъ разбитъ своимъ вчерашнимъ союзникомъ, и на смѣну «дикихъ бредней» пролетаріата пришелъ «порядокъ», возстановленный Гизо и картечью Кавеньяка.

Та же классовая рознь сказалась, между прочимъ, и въ вопросѣ о времени созыва Учредительнаго Собранія. Соціалисты и демократы настаивали на томъ, чтобы срокъ созыва былъ отсроченъ какъ можно дальше. Они думали, что временное правительство познакомитъ массы съ положительными сторонами республики. Кромѣ того, отсрочка давала имъ возможность развить широкую агитацію за демократическую республику и, такимъ образомъ, хотя отчасти, умалить зло, приносимое реакціонными партіями. Крестьянство и населеніе небольшихъ захолустныхъ городовъ почти всецѣло находилось подъ вліяніемъ духовенства и своимъ голосованіемъ легко могло погубить республику; что касается средней буржуазіи, то она всего болѣе боялась подобной агитаціи и скорѣе готова была броситься въ объятія орлеанистовъ и легитимистовъ, чѣмъ допустить ее.

Крестьянство, отъ голосованія котораго въ значительной степени зависѣлъ исходъ революціи, было недовольно республикой за введеніе дополнительнаго налога въ 45 сантимовъ на каждый франкъ прямыхъ налоговъ. Эта реакціонная мѣра оттолкнула крестьянъ отъ республики; для буржуазіи же это былъ двойной выигрышъ: сваливая съ своихъ плечъ тяжесть налоговъ, она въ то же время существеннымъ образомъ подрывала принципы демократіи: для крестьянина 45 сантимовъ были дороже «свободы, равенства и братства».

Другой подобной же мѣрой была поддержка крупной финансовой буржуазіи въ ущербъ мелкой. Крупная буржуазія, скопившая громадныя богатства въ дни іюльской монархіи, была злѣйшимъ врагомъ новаго режима, который грозилъ въ конецъ подорвать устойчивость ея кредитныхъ учрежденій. Французскому банку, гдѣ помѣщались ея богатства, грозилъ неминуемый крахъ. Являлся вопросъ, поддержитъ ли новая республика это плутократическое учрежденіе, доходы котораго поступали въ карманы немногихъ крупныхъ собственниковъ, или учредитъ Государственный банкъ въ интересахъ

всей націи? Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ отстаивали эту послѣднюю мѣру. Послѣ долгихъ преній, побѣда осталась на сторонѣ умѣреннаго большинства: рѣшено было поддержать банкъ, введя принудительный курсъ для его билетовъ и прекративъ выдачу денегъ изъ сберегательныхъ кассъ на сумму, большую 100 франковъ; свыше этой суммы выдавались билеты, по которымъ правительство обязывалось уплатить деньги не ранѣе 4—6 мѣсяцевъ. Эта мѣра была вдвойнѣ тягостна для мелкой буржуазіи, вкладами которой почти исключительно пополнялись сберегательныя кассы. Неудивительно, что мелкая буржуазія, подобно крестьянству, ненавидѣла правительство, предавшее ее въ руки спекулянтамъ-биржевикамъ.

Недовольство росло, и въ такой-то атмосферѣ должны были произойти выборы въ Учредительное Собраніе. Результаты можно было предвидѣть заранѣе.

Временное правительство, несмотря на всѣ протесты пролетаріата и демократіи, назначило время выборовъ на 23 февраля.

Орлеанисты, легитимисты, крупная буржуазія—всѣ теперь сдѣлались республиканцами, лишь бы фактически захватить въ свои руки власть. Для нихъ вопросъ шелъ не столько о формѣ правленія, сколько о его сущности.

Выборы дали умѣренное большинство, среди котораго было не мало отъявленныхъ враговъ республики.

Соціалисты потерпѣли почти полное пораженіе на выборахъ. За нихъ голосовали почти исключительно рабочіе крупныхъ промышленныхъ центровъ: Парижъ, Ліонъ, Руанъ и др.

Крестьяне, напуганные слухами о коммунистахъ, стремящихся къ равному раздѣлу земли между всѣми «тунеядцами», голосовали за тѣхъ, на кого имъ указывали попы и, большею частью, выбирали людей, враждебныхъ новому строю. Наконецъ, мелкая буржуазія голосовала за вождей своей партіи.

XI

Учредительное Собраніе и іюньскіе дни

По своему соціальному составу Учредительное Собраніе было гораздо разнообразнѣе временнаго правительства. Въ послѣднемъ со-

вершенно не было представителей крупнаго капитала и землевладѣльцевъ-дворянъ: въ немъ были представлены исключительно побѣдители февральской революціи. Напротивъ, въ Учредительномъ Собраніи было около 100 монархистовъ, враждебныхъ новому строю, хотя и называвшихъ себя республиканцами, 60 мѣстъ принадлежало орлеанистамъ. Наконецъ, остальные 750 депутатовъ были республиканцы, изъ которыхъ громадное большинство—600—были представителями средней буржуазіи, и лишь 150—радикалъ демократовъ, Соціалисты, попавшіе въ Учредительное Собраніе, представляли такую ничтожную группу (Луи Бланъ, Альберъ, Греппо и Пелитье), которая совершенно не могла оказать вліянія на работы Учредительнаго Собранія.

Господствующее положеніе заняли, такимъ образомъ, представители «National'я», придавшіе новой республикѣ исключительно «*буржуазный*» характеръ. Всѣ проекты демократовъ, разъ они шли вразрѣзъ съ интересами средней буржуазіи, съ самаго начала засѣданій были обречены на полную неудачу. Умѣренное республиканское большинство, напротивъ, имѣло сильнаго союзника въ лицѣ монархистовъ и орлеанистовъ, съ которыми оно не брезговало вступать въ соглашеніе для побѣды надъ своимъ врагомъ слѣва—пролетаріатомъ и революціонной демократіей.

Средняя буржуазія опиралась не только на парламентское большинство: въ ея рукахъ находилась и матеріальная сила государства—войско, судъ, финансы; сознаніе силы придавало ея дѣятельности большую рѣшительность и безцеремонность по отношенію къ пролетаріату и демократіи. У послѣднихъ оставалось лишь одно средство—вліять на ходъ работъ собранія обращеніемъ къ массамъ. Но этотъ путь былъ теперь крайне опасенъ—буржуазія рѣшительно заявила, что насталъ конецъ революціи и что наступило время органической, строительной работѣ. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы объявить манифестаціи рабочихъ и демократіи покушеніемъ на «законное» правительство...

Рѣзко буржуазный характеръ Учредительнаго Собранія обнаружился уже при самомъ началѣ его работъ. Прежде всего, исполнительная комиссія, замѣнившая собой временное правительство, за исключеніемъ Ледрю-Роллена состояла исключительно изъ сторонни-

ковъ «National'я», изъ нихъ же было составлено и новое министерство. «Пять королей (члены исполнительной комиссіи) управляютъ Франціей, писалъ «Vraie Republique», органъ Барбеса и Жоржъ Зандъ. Кто они? Министръ иностранныхъ дѣлъ Бастидъ—редакторъ «National'я», министръ финансовъ Дюклеркъ—редакторъ «National'я»,—внутреннихъ дѣлъ Рекюръ—редакторъ «National'я», общественныхъ работъ Трела—редакторъ «National'я» меръ Парижа Марра—редакторъ «National'я»... Редакція «National'я!»

Учредительное Собраніе прежде всего санкціонировало дѣятельность временнаго правительства, почти единогласно выразивъ ему благодарность «за заслуги предъ отечествомъ», несмотря на энергичные протесты Барбеса, указывавшаго на темныя стороны дѣятельности правительства. Этимъ актомъ Національное Собраніе показало, что оно и не думаетъ о реформахъ.

Затѣмъ всѣ соціалисты въ томъ числѣ Луи Бланъ и Альберъ демонстративно не были выбраны въ составъ членовъ исполнительной комиссіи.

Чувствуя все большую и большую силу, буржуазные дѣятели Національнаго Собранія по отношенію къ пролетаріату и демократамъ принимаютъ теперь открытый, вызывающій тонъ. «Мы желаемъ—говорилось въ одной прокламаціи, подписанной представителями буржуазіи—чтобы гражданинъ Барбесъ, начальникъ 12-го легіона парижскаге округа, немедленно подалъ въ отставку; въ противномъ случаѣ мы потребуемъ, чтобы Національное Собраніе заставило его отказаться отъ этого неподходящаго для него поста... Граждане! Устроимъ съ этой цѣлью манифестацію!»

Однако, буржуазія не могла быть вполнѣ спокойна, пока не былъ разбитъ пролетаріатъ; постоянно возбужденный, достаточно организованный онъ не думалъ считаться съ буржуазіей и признавать ея руководство. Болѣе того, онъ уже не вѣрилъ правительству и лихорадочно слѣдилъ за его работой, постоянно готовый активнымъ выступленіемъ поддержать свои требованія. Онъ не хотѣлъ мириться съ мыслью, что его страданія и пролитая кровь ничего не принесутъ для его собственнаго дѣла. Этого-то врага и надо было сломить буржуазіи. Она не заставила себя долго ждать. Поводомъ къ развязкѣ послужила минифестація 15 мая, организованная соціали

стами въ знакъ протеста противъ кроваваго подавленія возстанія въ Познани, Галиціи и Краковѣ прусскими и австрійскими войсками. Этой же манифестаціей соціалисты воспользовались и для того, чтобы еще разъ напомнить объ исполненіи соціальныхъ требованій.

Всѣ члены исполнительной комиссіи знали о готовящейся демонстраціи, но не приняли мѣръ къ ея предупрежденію. Средняя буржуазія думала использовать эту манифестацію для того, чтобы окончательно раздѣлаться съ вождями пролетаріата. Ледрю-Ролленъ и демократы думали—напротивъ — еще разъ демонстрировать силу революціонной демократіи и, такимъ образомъ, повліять на реакціонное большинство. Собраніе, казалось, не препятствовало устройству этой несчастной демонстраціи, которая, не давъ ничего пролетаріату, вырвала изъ рядовъ его лучшихъ вождей.

15 го мая, когда члены собранія обсуждали во дворцѣ вопросъ о Польшѣ, толпы манифестантовъ, окруживъ залъ дворца съ криками «да здравствуетъ Польша!», проникли внутрь зданія. Посреди всеобщаго шума на трибуну взошелъ Распайль и началъ читать петицію. Президентъ Бюше не препятствовалъ, выжидая прибытія національныхъ гвардейцевъ. Распайль кончилъ. Толпа уже была готова разойтись, какъ вдругъ раздался голосъ: «на трибуну Бланки!» Бланки, блѣдный, взволнованный событіями текущихъ дней, но рѣшительный входитъ на трибуну. Онъ дѣлаетъ жестъ рукой и наступаетъ глубокая тишина. «Граждане-представители — началъ онъ своимъ тихимъ, твердымъ голосомъ — народъ требуетъ, чтобы были приняты, наконецъ, рѣшительныя мѣры къ возстановленію на окраинѣ сильной и свободной Польши». Вдругъ онъ оставляетъ Польшу и начинаетъ говоритъ о событіяхъ въ Руанѣ, требуя отчета о совершенныхъ тамъ жестокостяхъ по отношенію къ рабочимъ и освобожденія заключенныхъ. «Народъ желаетъ также, — закончилъ онъ свою рѣчь—чтобы вы призадумались надъ его положеніемъ... Основная причина всѣхъ золъ носитъ не политическій, а *соціальный* характеръ. Народъ съ грустью видитъ, что тѣ люди, которыхъ онъ любитъ, удалены отъ правительства»... За нимъ говоритъ Барбесъ въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ и требуетъ установленія милліарднаго налога на богачей, удаленія войскъ изъ Парижа и угрожаетъ—въ

случаѣ отказа — объявить представителей измѣнниками отечества. Извнѣ слышатся звуки барабановъ; народъ, думая, что собирается національная гвардія, съ криками: «насъ хотятъ убить! долой измѣнниковъ!» — отправляется въ ратушу, гдѣ образовалось уже новое временное правительство изъ Кабэ, Луи Блана, Барбеса, Бланки, Пьера Леру, Распайля, Консидерана и Прудона. Но скоро ратуша была окружена солдатами и гвардейцами, Барбесъ и другіе наиболѣе видные вожди арестованы.

Вечеромъ, послѣ удачнаго подавленія движенія, національное собраніе возобновило свои засѣданія. Побѣдители буржуа не скрывали своего восторга. Была выражена благодарность національнымъ гвардейцамъ, спасшимъ «*цивилизацію отъ анархіи*», и принятъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ республиканцамъ. «Клубы будутъ закрыты — заявилъ Гарнье-Паже—клубы мы разоримъ... Мы рѣшили придать власти энергію... Мы желаемъ честной и умѣренной республики»...

Послѣ 15 го мая вся реакціонная пресса открываетъ цѣлую кампанію противъ національныхъ мастерскихъ, настойчиво повторяя одну и ту же фразу: «нужно покончить со всѣмъ этимъ»! Какъ бы отвѣчая на эти нападки, министръ общественныхъ работъ Трела заявилъ, что онъ немедленно приступитъ къ постепенному закрытію мастерскихъ. Но реакція не желала медлить, она мечтала быстро и смѣло покончить съ «тунеядцами», удаливъ ихъ изъ Парижа. Клевета, обвиненія, грязные намеки посыпались на голову пролетаріата. «Редакторы газетъ!—отвѣтили рабочіе національныхъ мастерскихъ на эти нападки—вы нахально и безбожно врете, когда утверждаете, будто въ національныхъ мастерскихъ находится 10 — 12 тысячъ каторжниковъ, вы врете, когда называете убійцами, разбойниками и ворами тѣхъ, которые 23 и 24 февраля жертвовали своей жизнью для спасенія Франціи отъ ига деспотизма въ то время, когда вы скрывались гдѣ то въ погребахъ. Если бы рабочіе дѣйствительно были ворами, разбойниками и убійцами, то они могли бы найти случай проявить себя таковыми: полные хозяева Парижа въ теченіе многихъ дней, они могли бы купаться въ вашей крови и грабить ваше добро. Но они были благородны и протянули вамъ руку помощи. Страдая отъ холода и голода, они, лишенные всего, охра-

няли ваши богатства и не дозволяли ихъ грабить... Въ Тюльери можно было видѣть трупы съ надписью: «воръ»... Вы, которые не знаете, что такое бѣдность, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы получаемъ отъ государства 23 су въ день! «Они не зарабатываютъ ихъ»—говорите вы. Мы это знаемъ не хуже васъ, и *это-то* заставляетъ насъ страдать, ибо вы, богачи, не знаете, какъ тяжело честному рабочему, привыкшему трудомъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба, ходить за милостыней и протягивать руку... И голодъ, этотъ страшный врагъ бѣдняка, заставилъ насъ унижаться до того, что мы обращались въ національныя мастерскія».. Этотъ протестъ не повліялъ на реакцію, и нѣсколькими днями позднѣе, 29 мая, Фаллу, докладчикъ рабочей комиссіи, продолжалъ осыпать рабочихъ прежними обвиненіями. «Тунеядство сдѣлалось закономъ въ національныхъ мастерскихъ,—заявилъ онъ—оттуда не выходятъ, когда представляется случай честно и дѣльно работать въ другомъ мѣстѣ... Нашъ проектъ заключается въ томъ, чтобы ввести поштучную плату вмѣсто поденной, удалить изъ Парижа всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ департаментъ Сены... Національныя мастерскія представляютъ въ настоящее время не что иное какъ организованную стачку... Съ политической точки зрѣнія—это очагъ революціи»...

Фаллу открылъ своею рѣчью офиціальную атаку на національныя мастерскія, которымъ были посвящены засѣданія 29 и 30 мая. Попытки демократовъ придать вопросу болѣе широкую, правильную окраску были встрѣчены шумными возгласами протеста.

Въ то время, какъ въ стѣнахъ Національнаго Собранія раздавались рѣчи о національныхъ мастерскихъ, исполнительная комиссія примѣняла по отношенію къ рабочимъ цѣлый рядъ мѣръ, обострившихъ и безъ того уже крайне натянутыя отношенія между пролетаріатомъ и правительствомъ.

3-го іюня комиссія приказываетъ мерамъ прекратить выдачу паспортовъ въ Парижъ, если рабочіе не докажутъ, что найдутъ тамъ работу. 5 го іюня она распускаетъ бригаду столяровъ и землекоповъ, указывая на ихъ якобы недисциплинированное поведеніе. Съ 7-го по 10 е производится рядъ арестовъ за сборища.. Наконецъ, 20-го іюня министръ общественныхъ работъ Трела издаетъ декретъ, въ силу ко-

тораго рабочіе отъ 17 до 20 лѣтъ должны были поступить въ военную службу, нежелавшіе же вычеркивались изъ списка національныхъ мастерскихъ. Еще раньше изданія этого декрета часть пришлыхъ рабочихъ была отправлена въ Солонь, въ нездоровую, крайне болотистую мѣстность, для производства тамъ земляныхъ работъ. Въ сущности это была лишь благородная форма изгнанія рабочихъ. Предъ пролетаріатомъ было лишь два исхода: или итти въ армію и въ ея рядахъ сражаться противъ своихъ товарищей, за чуждое, ненавистное дѣло буржуазіи, или — отправляться въ Солонь, гдѣ ихъ ждали голодъ, болѣзни и вѣрная смерть... *Кровавые дни іюня надвигались съ роковой неизбѣжностью* при явной провокаціи правительства.

XII

Іюньскіе дни

Предвидя неизбѣжность взрыва и дѣятельно готовясь къ нему, буржуазія готова была теперь дать пролетаріату рѣшительное сраженіе.

Въ гораздо худшемъ положеніи находился пролетаріатъ. Политическій энтузіазмъ, любовь къ республикѣ и безысходная нужда были почти единственными его союзниками въ этой упорной борьбѣ. Онъ не былъ сплоченъ единымъ, ясно сознаннымъ соціальнымъ идеаломъ, къ осуществленію котораго могъ бы настойчиво, неуклонно стремиться. Сами вожди его не выставляли опредѣленныхъ конкретныхъ лозунговъ для непосредственной активной борьбы. Луи Бланъ все еще мечталъ о «гармоніи интересовъ», о возможности разрѣшенія соціальнаго вопроса путемъ мирнаго соглашенія съ буржуазіей. Пролетаріатъ не имѣлъ ни политической организаціи, ни массовой силы, ни общей выдержанной тактики; къ тому же, въ предстоящей борьбѣ онъ оказался совершенно одинокъ, потерявъ въ лицѣ мелкой буржуазіи своего временнаго союзника. Буржуазія, напротивъ, какъ нельзя лучше была готова къ борьбѣ. Вожди ее знали, на что они идутъ, и приняли всѣ мѣры, чтобы обезпечить за собой побѣду.

Съ возгласами «работы или свинца!» рабочіе предпочли славную смерть на баррикадахъ медленному умиранію отъ голода и нищеты и

въ кровавые іюньскіе дни, когда Бланки и Барбесъ еще сидѣли въ тюрьмѣ, пролетаріатъ вышелъ на улицу.

Однако, прежде чѣмъ рѣшиться на возстаніе, рабочіе использовали всѣ имѣвшіяся у нихъ средства къ предупрежденію взрыва. 22-го іюня 1848 г. толпа въ 1.500 человѣкъ направилась къ Люксембургскому дворцу, мѣсту засѣданія исполнительной комиссіи, и послала оратора Пюжоля въ качествѣ депутата къ Мари, главному организатору національныхъ мастерскихъ. Между нимъ и Пюжолемъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

— «Гражданинъ Мари, — началъ Пюжоль — передъ французской революціей. 24 февраля 1848 года рабочіе были подчинены произволу и личнымъ вкусамъ фабрикантовъ. Чтобы избавиться отъ этого бѣдствія, рабочіе Парижа проливали свою кровь и низвергли развращенное правительство... Рабочіе Парижа оставили баррикады только послѣ провозглашенія демократической и соціальной республики. Въ настоящее время рабочіе понимаютъ очень хорошо, что ихъ усыпили ложными обѣщаніями, и что грубая сила желаетъ сдѣлать ихъ опять жертвами подобной системы. Они просятъ васъ, гражданинъ Мари, чтобы ихъ освободили отъ необходимости выбирать между солдатчиной и ссылкой въ Сологнь»...

— «Pardon—прервалъ его Мари...—Не забудьте, что мнѣ время дорого, а вы начали, кажется, издалека»...

— «Ваше время принадлежитъ не вамъ, а народу... Угодно вамъ выслушать насъ?» — отвѣтилъ Пюжоль и еще разъ напомнилъ просьбу рабочихъ.

— «Я понимаю васъ, — возразилъ Мари—но замѣтьте себѣ слѣдующее: если рабочіе, не желающіе поступить въ армію, не захотятъ отправиться въ провинцію, то мы принудимъ ихъ къ этому силой. *Силой.* Понимаете?»

— «Силой! Ладно, теперь мы понимаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло. До свиданья, гражданинъ!» Съ этими словами Пюжоль покинулъ залъ дворца и вышелъ къ ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ рабочимъ. Въ глубокомъ молчаніи выслушала толпа его отвѣтъ: «Сегодня въ 8 часовъ вечера мы соберемся на площади Пантеонъ, чтобы обдумать планъ нашихъ дѣйствій».— «Мы придемъ» единодушно отвѣтили всѣ. Въ 8 часовъ площадь была покрыта огромной толпой народа.

— «Граждане!—началъ Пюжоль—вѣрны ли вы священному знамени республики?» —«Да!» —послышалось со всѣхъ сторонъ.—«Хорошо. Честь и слава вамъ, дѣти Парижа? Вы скоро дадите примѣръ настоящаго патріотизма и истиннаго мужества! Работы или хлѣба!—таковъ будетъ нашъ лозунгъ, и горе тѣмъ, которые останутся глухи къ народному голосу! Вы обѣщали страдать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы дать республикѣ укрѣпиться, теперь вы имѣете право мстить за три мѣсяца измѣны. Клянетесь, что будете бороться за свои права?» — «Клянемся!» — «Въ такомъ случаѣ завтра въ 6 часовъ утра на этомъ мѣстѣ!» Въ 6 часовъ утра, 23-го іюня на площади было 8—10 тысячъ рабочихъ. «Впередъ, граждане!» воскликнулъ Пюжоль. И толпа съ знаменами и красными флагами двинулась на площадь Бастиліи.

На улицѣ С.-Дени рабочіе сгруппировались и по командѣ — «къ оружію!» —начали строить баррикады и занимать мѣста.

Всѣ рабочіе кварталы и наиболѣе выгодныя для возставшихъ мѣста были покрыты баррикадами. Парижъ былъ объявленъ на военномъ положеніи и Кавеньяку, грубому солдату, для котораго честь мундира была выше чести и блага народа, была вручена диктатура. Въ лицѣ пролетаріага онъ видѣлъ не гражданъ, а лишь врага, котораго надо сломить во что бы то ни стало. Съ этой цѣлью онъ нарочно далъ возможность разрастись возстанію, а затѣмъ дружнымъ напоромъ всѣхъ войскъ потопилъ его въ потокахъ пролетарской крови... Три дня развѣвалось на баррикадахъ красное знамя соціализма и черное знамя голода; утромъ, 26-го іюня, пали послѣднія баррикады. На трупахъ разстрѣлянныхъ пролетаріевъ буржуазія праздновала побѣду и водворяла «порядокъ!» «Месть побѣжденнымъ!» таковъ былъ лозунгъ буржуазіи послѣ іюньскихъ дней. Убивали инсургентовъ съ ужасной жестокостью. Изъ провинціи стекались толпы національныхъ гвардейцевъ для подавленія парижскихъ «мягежниковъ», а крестьяне, неспособные понять смыслъ окружающихъ ихъ событій, отождествлявшіе республику съ несправедливыми налогами, лишь равнодушно смотрѣли на проходящихъ черезъ ихъ деревни группы національныхъ гвардейцевъ.

Трудно передать тѣ жестокости и издѣвательства, которыя безнаказанно производились уже надъ побѣжденными инсургентами. «Ни-

когда правящій классъ не смоетъ съ себя того позора,—писалъ одинъ умѣренный республиканецъ—что онъ нарушилъ договоръ, заключенный съ инсургентами и перебилъ множество борцовъ послѣ ихъ капитуляціи. Никогда еще послѣ революціи не было такой массы плѣнныхъ (15—20 тысячъ); никогда еще съ ними не обращались такъ жестоко, звѣрски. Число инсургентовъ, убитыхъ на баррикадахъ, простиралось отъ 400 до 500 человѣкъ; число плѣнныхъ, убитыхъ національными гвардейцами, колеблется между 2000 и 3000. Буржуазія дѣйствовала словно въ какомъ-то ужасномъ кошмарѣ»...

Еще ужаснѣе было положеніе плѣнниковъ, запертыхъ въ подвалахъ городскихъ домовъ. Инсургенты стояли въ темнотѣ, по колѣни въ водѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Въ этотъ темный погребъ вела лѣстница въ 2—3 ступени, и съ этой высоты сбрасывали внизъ приводимыхъ туда инсургентовъ... Если кто нибудь изъ нихъ просилъ воды, то гвардейцы наугадъ стрѣляли въ окна погреба... Послѣ взятія меріи 9-го округа всѣ, захваченные при этомъ рабочіе были разстрѣляны, а трупы ихъ свалены наподобіе баррикадъ. Мобильная гвардія (добровольная армія) сбрасывала инсургентовъ въ каналъ, предварительно связавъ имъ руки и ноги... Заключеннымъ въ подвалахъ не позволяли даже шептаться и грозили—въ случаѣ непослушанія—закрыть отдушины подваловъ... Плѣнные были помѣщены и въ подземелье подъ Тюльери... Стража запретила имъ приближаться къ просвѣту подземелья; когда же нѣкоторые изъ нихъ приближались къ отверстію, то безпощадно разстрѣливались... До двухъсотъ человѣкъ изъ этого подземелья сошло съ ума и, когда они подходили къ просвѣту, часовые кричали остальнымъ: «задержите ихъ, а не то мы васъ всѣхъ разстрѣляемъ!» И вдругъ раздавался выстрѣлъ по умалишеннымъ. Мертвая тишина послѣ выстрѣла нарушалась ужаснымъ смѣхомъ безумныхъ. Когда плѣнники жаловались на свое ужасное положеніе, солдаты говорили имъ: «если бы мы васъ выпустили, *васъ разстрѣляли бы національные гвардейцы*». Несчастные не находили спокойствія даже въ госпиталѣ. Въ комнатахъ, гдѣ лежали инсургенты, были разставлены часовые, слѣдившіе за каждымъ движеніемъ больного. Ярость гвардейцевъ доходила до такой степени, что они кричали «тише» даже тѣмъ, кто бредилъ. Такъ какъ національная гвардія считалась въ тѣ дни «спа-

сительницей общества», то она могла дѣлать все, что приходило ей въ голову. Національные гвардейцы провинціи съ саблями наголо вламывались въ госпитали, чтобы «увидѣть вблизи инсургента»...

Такъ праздновала буржуазія первые дни своей кровавой побѣды. Мелкая буржуазія еще не знала, что съ побѣжденнымъ пролетаріатомъ погибла и ея свобода. *Теперь господами положенія была средняя и крупная буржуазія.* Стряхнувъ съ своихъ плечъ постоянное давленіе пролетаріата, она не боялась уже натиска изолированной революціонной демократіи и могла смѣло вступить и вступила на путь открытой реакціонной политики.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, роль буржуазіи и пролетаріата въ двухъ революціяхъ.

Подведемъ итоги.

Возвращеніе Бурбоновъ (реставрація) раздѣлило Францію на два враждебныхъ лагеря — дворянство и духовенство съ одной стороны, огромное большинство націи съ другой. Іюльская революція была, такимъ образомъ, борьбой *демократіи съ аристократіей* и вообще со всѣми слугами и прислужниками «стараго порядка», окружавшими тронъ Карла X — короля, который за время съ 1789—1815 годъ «ничего не позабылъ и ничему не научился».

Въ своихъ ордонансахъ онъ посягнулъ на буржуазную хартію Людовика XVIII—французскій народъ посягнулъ на его корону и прогналъ его изъ Франціи.

Карлъ X полагалъ, что царствовать «божіей милостью» можно на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, при всякихъ способахъ и условіяхъ производства. Онъ палъ, потому что вся матеріальная сила находилась теперь въ рукахъ буржуазіи — класса, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго и на который не опирался.

Такимъ образомъ, іюльская революція должна была завершить и она дѣйствительно завершила дѣло великой революціи.

Буржуазія въ іюльской революціи не шла дальше цензовой конституціи 1814 года, съ которой она такъ сжилась и подъ сѣнью которой окрѣпла. Помимо общихъ интересовъ съ буржуазіей, пролетаріатъ имѣлъ еще свои самостоятельныя задачи, которыя и обнаружились въ процессѣ борьбы. Покончивъ съ Бурбонами, увлеченный

побѣдой, онъ выдвигаетъ теперь новые лозунги мечтаетъ о республикѣ, о коренномъ измѣненіи своего положенія, соціализмъ...

Этого буржуазія не могла ему позволить!.. Она рѣшила «обуздать блузниковъ» и «предупредить анархію». Республики она боялась. Надо было, во что бы то ни стало, сохранить монархію, замѣнивъ лишь дворянскаго короля — купеческимъ. Съ этой цѣлью былъ выписанъ изъ Нейли герцогъ Орлеанскій, котораго буржуазный герой «двухъ міровъ» старикъ Лафайетъ и представилъ недоумѣвающему народу съ балкона ратуши...

Такъ была закончена іюльская революція. *Въ борьбѣ со „старымъ порядкомъ“ принялъ участіе весь народъ и, главнымъ образомъ, пролетаріатъ и мелкая буржуазія— результаты борьбы учла въ свою пользу крупная буржуазія.*

Съ этого времени пролетаріатъ навсегда обособляется отъ буржуазіи въ самостоятельную партію съ своими собственными классовыми интересами.

«Отнынѣ настанетъ царство банкировъ»,—выразился послѣ іюльской революціи либеральный банкиръ Лафиттъ, провожая своего кума герцога Орлеанскаго въ его тріумфальномъ шествіи къ Hôtel de Ville...

И дѣйствительно, «іюльская монархія — говоритъ К. Марксъ — была не чѣмъ инымъ, какъ акціонерной компаніей для эксплуатаціи французскаго національнаго богатства; дивиденды ея распредѣлялись между министрами, палатами, 240.000 избирателями и ихъ присными. Луи-Филиппъ былъ директоръ этой компаніи—Робертъ Макэръ (пройдоха, дѣлецъ) на тронѣ».

Не только пролетаріатъ, но даже средняя буржуазія лишена была избирательныхъ правъ. Съ безпощаднымъ вандализмомъ подавляло теперь правительство Луи-Филиппа всѣ попытки рабочаго класса улучшить свое тяжелое экономическое положеніе. Возстанія 1830, 1832 и 1834 гг. были потоплены въ крови пролетаріата. Неурожаи 1845 и 1846 гг. усиливаютъ всеобщее броженіе въ народѣ. Всеобщій торговый и промышленный кризисъ разоряетъ, главнымъ образомъ, массу средней и мелкой буржуазіи. При такихъ условіяхъ взрывъ былъ неизбѣженъ.

Февральская революція была борьбой средней, мелкой буржуазіи и пролетаріата съ финансовой аристократіей.

На этотъ разъ побѣда досталась пролетаріату и онъ *заставилъ буржуазію провозгласить республику*, отъ которой онъ ожидалъ коренного измѣненія своего соціальнаго положенія.

При посредствѣ своихъ представителей во временномъ правительствѣ онъ обставилъ буржуазную республику цѣлой сѣтью *„соціалистическихъ“ учрежденій*, и въ то время, какъ буржуазія ковала оружіе для новой борьбы, онъ продолжалъ тѣшить себя соціалистическими иллюзіями.

Пролетаріатъ, точно такъ же, какъ и его идеологи, не понялъ, да и не могъ понять, что все содержаніе февральской революціи сводилось лишь къ укрѣпленію буржуазной республики, точно такъ же, какъ іюльскіе дни дали странѣ буржуазную монархію.

Нужны были кровавые дни іюня, чтобы пролетаріатъ понялъ эту горькую истину.

Нанявъ 24,000 «головорѣзовъ», избранныхъ изъ подонковъ общества, вооруживъ крестьянъ противъ «тунеядцевъ», заручившись сочувствіемъ монархистовъ и орлеанистовъ, *буржуазія навязала таки пролетаріату революцію и онъ вынужденъ былъ принять этотъ вызовъ.* Оттолкнувъ отъ себя призракомъ соціализма мелкую буржуазію, пролетаріатъ оказался совершенно изолированнымъ и въ роковые для него іюньскіе дни погибъ на баррикадахъ. *Вмѣстѣ съ пролетаріатомъ было уничтожено и политическое могущество мелкой буржуазіи.*

Побѣда, естественно, досталась буржуазіи, желавшей „мирной и честной“ республики и «25-го іюня,—говоритъ К. Марксъ — когда буржуазный Парижъ устроилъ благодарственную иллюминацію, рабочій Парижъ истекалъ кровью и испускалъ послѣдніе вздохи».

Нужны были іюньскіе дни, чтобы пролетаріатъ пересталъ мечтать объ улучшеніи своего положенія *въ предѣлахъ буржуазнаго общества*, и, вмѣсто широковѣщательныхъ и неясныхъ лозунговъ, выдвинулъ единственно правильный и революціонный: *Низверженіе буржуазіи! Диктатура пролетаріата!*

Основныя руководства для дальнѣйшаго изученія вопроса:

К. Марксъ. «Классовая борьба во Франціи 1848 — 1850 г.» Изд. «Буревѣстника».

Поль Луи. «Исторія соціализма во Франціи. Изд. Т-ва «Гранатъ». Ц. 70 к.

Луи Бланъ. «Іюльскіе дни 1830 г.» Изд. «Правда». Ц. 40 к.

Вейль. «Дѣятели 1848 г.»

Его же. «Исторія республиканской партіи во Франціи» Ц. 2 р.

Михайловъ. «Пролетаріатъ во Франціи съ 1789 по 1852 годъ».

Лозинскій. «Исторія второй французской республики». Цѣна 2 р. 50 к.

Гарнье-Паже. «Исторія революціи 1848 г.» 2 тома. Изд. 61 г. Ц. 2 р. 75 к.

Поль Луи. «Французскіе мыслители и дѣятели XIX вѣка». Изд. «Молота». Ц. 35 к.

Стекловъ. «Революція 1848 г. во Франціи». Изд. «Молота». Ц. 20 к.

Д Стернъ. «Исторія революціи 1848 г.» I т. Изд. Львовича Ц 1 р. 25 к.

Жоффруа. «Бланки. Его жизнь и революціонная дѣятельность». Ц. 1 руб.

Чернышевскій. «Іюльская монархія». «Современникъ». 1860 г № 1.

Его же. «Борьба партій въ парламентѣ при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X». («Современникъ» 1858 года. № 8 и 9).

Сеньобосъ. «Политическая Исторія Западной Европы». Изд. Павленкова.

Дубровскій Н. «Буржуазія и пролетаріатъ въ іюльскіе дни» Изд. «Дон. Рѣчь». Ц. 8 к.

ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ и ТАКТИКИ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

БУРЖУАЗІЯ И ПРОЛЕТАРІАТЪ

въ революціяхъ 1830 и 1848 гг.

ВО ФРАНЦІИ

МОСКВА.—1917

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 20918 5302